
БОЛГАРСКАЯ РУСИСТИКА

2017/1

Орган Общества русистов Болгарии
СОФИЯ 2017

Редакционный совет:

проф. д-р Валентина Аврамова, проф. д-р Ренета Божанкова, проф. д-р Гочо Гочев, проф. д-р Стефка Георгиева, доц. д-р Стефка Калева.

Международный редакционный совет:

проф. д.ф.н. Юрий Прохоров (Россия)
проф. д.ф.н. Елена Иванова (Россия)
проф. д.ф.н. Мария Котюрова (Россия)
проф. д.ф.н. Йенс Херлт (Швейцария)
проф. д.ф.н. Петр Буняк (Сербия)
проф. д.ф.н. Катажина Воян (Польша)
доц. д-р Ладислав Вибожил (Чехия)

Редакционная коллегия:

доц. д-р Илиана Влагова (главный редактор), доц. д-р Ирина Захариева (зам.гл. редактора), доц. д-р Димитрина Лесневска (зам. гл. редактора), проф. Елена Стоянова, проф. д.ф.н. Христо Манолакев, Екатерина Солнцева-Накова (отв. секретарь), Радослава Лесневска (технический редактор).

Журнал «Болгарская русистика» включен в Национальную библиографическую базу данных научного цитирования РИНЦ по адресу: <http://www.eLibrary.ru>

ISSN 0323-9160 (print), ISSN 1313-3713 (online)

СОДЕРЖАНИЕ**ЛИНГВИСТИКА***М.П. Котюрова*

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРМСКАЯ СТИЛИСТИКА
 В СВЕТЕ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ..... 5

М.Д. Кузова

АРТИСТИЧНЫЕ АФФИКСАЛЬНЫЕ РЕДУПЛИКАЦИИ В
 БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ 12

Г.В. Ангелова

ФИТОНИМ МЕЛИССА ЛЕКАРСТВЕННАЯ (MELISSA
 OFFICINALIS L.) В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ
 (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ) 23

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ*С.В. Коростова*

ЭМОТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ
 КОММУНИКАЦИИ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ. 34

Н.В. Кононова

«КАНАРЕЙКА» АЛЕКСАНДРА АРКАДЬЕВИЧА ГАЛИЧА В
 АСПЕКТЕ «ПУШКИНСКИХ ЗВУКОВ» В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА 45

Т.А. Воронова

«СЛОВАРЬ ЛИРИКИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО»:
 ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА 53

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ*Д.И. Петренко, К.Э. Штайн*

О РУССКОМ КОСМИЗМЕ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ..... 63

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА*Л.П. Клобукова, Л.А. Нестерская, Л.Н. Норейко*

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
 ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРАКТИКЕ
 ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ
 УЧАЩИМСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ..... 73

Х. Шицзэн

К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УНИВЕРСИТЕТЕ ЦИНХУА
 86

РЕЦЕНЗИИ

В.Д. Табанакова

САМОЕ НАСТОЯЩЕЕ ТВОРЧЕСТВО В СТЕРЕОТИПНОМ
ФОРМАТЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ МЕЖВУЗОВСКОГО СБОРНИКА

..... 91

ХРОНИКА

Д.С. Лесневска, О.Н. Левушкина

55-ОЕ СОБРАНИЕ СЛАВИСТОВ СЕРБИИ..... 108

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Н.С. Иванова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕРТИФИКАТ «РУССКИЙ – ЭКЗАМЕН –
ТУРИЗМ» В БОЛГАРИИ

..... 112

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ..... 119

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА..... 121

ЛИНГВИСТИКА

Котюрова Мария Павловна
доктор филологических наук,
профессор
Пермский государственный
национальный
исследовательский университет
Россия, г. Пермь
e-mail: kotyurova@yandex.ru

Kotyurova Mariya Pavlovna
Professor, Dr. Sc.
Perm State National Research
University
Russia, Perm
e-mail: kotyurova@yandex.ru

М.П. Котюрова

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРМСКАЯ СТИЛИСТИКА В СВЕТЕ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

Аннотация. В статье на примере научной школы проф. М.Н. Кожиной современная стилистика рассматривается с позиций социологии традиционной лингвистической науки с учетом библиометрических данных, «фоновых» знаний и мифов-представлений о научно-познавательной ситуации в современной стилистике, а также обобщенно представлены фундаментальные общенаучные понятия исследовательский опыт, концепция, исследовательская программа применительно к научной деятельности ученого. Эти понятия рассматриваются как условия и предпосылки успешного развития функциональной стилистики Пермской научной школы.

Ключевые слова: социология науки, функциональная стилистика, Пермская стилистическая школа проф. М.Н.Кожиной исследовательский опыт, концепция, исследовательская программа

M.P. Kotyurova

MODERN PERM STYLE IN THE LIGHT OF THE SOCIOLOGY OF SCIENCE

Abstract. The article on the example of the scientific school of Professor M. N. Kozhinoy the modern style is considered from the standpoint of the sociology of traditional linguistic science with the bibliometric data, background knowledge and myths-ideas about the scientific and educational situation in the modern style, as well as generally presents the fundamental concepts of scientific research experience, concept, research programme for scientific activity of the scientist. These concepts are considered as preconditions for successful development of functional stylistics of Perm scientific school.

Keywords: sociology of science, functional stylistics, Perm stylistic school Professor M.N. Kozhina research experience, concept, research program

«Научная мысль как проявление живого вещества по существу не может быть обратимым явлением», – писал В.И. Вернадский. Наши рассуждения представляют собой «точечное» подтверждение мысли великого ученого: научная мысль в области функциональной стилистики, утвердившись в 60–70-е годы XX века, активно и плодотворно развивается в пределах современной лингвистики в условиях тесного взаимодействия со смежными науками.

Библиометрические данные последних десятилетий в двух значительных по объему базах (русской – ИНИОН и немецкой – IDS) являются основанием вывода о том, что «ведущими – с точки зрения публикационного критерия – следовало бы считать направления традиционного описательного языкознания» [3, с. 345]. Для нас важно, что среди направлений традиционного языкознания стилистика занимает самую престижную позицию; при этом отмечается, что стилистическую формацию представляет Пермская школа. Уточним: Пермская научная школа профессора М.Н.Кожиной.

I. В литературе имеются интереснейшие замечания, основанные на наших – общих, можно сказать, «фоновых» – представлениях о функционировании языка. Стилистика избежала упрека, высказанного языкознанию: «В современной науке о языке должно, наконец, пробить себе дорогу понимание той единственной истины, что естественный язык не имеет самостоятельного, независимого от действительности, от мышления, от сознания, от речи, от логики существования» [7, с.146]. Во времена становления стилистического знания как дисциплинарного стало ясно, что «отделить язык от его носителя возможно лишь условно, путем некоего «насильственного» акта – посредством абстракции» [5, с. 327]. Отсюда ставится отнюдь не простая задача «соединить» продукт абстракции не только с носителем языка как таковым, но с учетом интеллектуальных типологических и индивидуальных черт языковой личности [6].

Вместе с тем следует отметить, что нас окружают мифы-представления о научно-познавательной деятельности в области стилистики:

1) всё открыто до нас, доказано гениальными, талантливыми предшественниками; нам остается только переписывать (читать: цитировать) их или переходить на темы социально востребованные, можно сказать, модные (имеем в виду посвященные рекламным текстам);

2) «нелюбовь» к материалу (исключения редки, например, докт. дисс. Е.Ю. Викторовой о вспомогательных коммуникативных единицах как системе дискурса – 2015);

3) возможность мелкотемья: ограничение применением методологически ориентированных понятий, по существу не доходя до их развития [9]; в связи с таким утверждением вполне можно присоединиться к характеристике современной научно-познавательной ситуации как «щелканье семечек», создавшейся в области когнитивной лингвистики и охарактеризованной В.А. Виноградовым в выступлении на круглом столе в ноябре 2006 года» [1, с. 163]; примером могут служить канд. дисс. о концептах; это вопрос, непосредственно относящийся к проблемам функциональной стилистики, поскольку концепты можно интерпретировать как понятия, функционирующие в разновидностях речи.

Вместе с тем широко известно, что в пределах Пермской научной школы сформировалось именно теоретическое богатство идей, ждущих своего применения и развития благодаря исследованию функционирующего языка в разновидностях речи.

II. Что оставлено проф. М.Н.Кожиной последователям в области функциональной стилистики?

Во-первых, ее собственный опыт исследователя – опыт, который с самого начала проявлялся в целостном – теоретическом и эмпирическом (отнюдь не только иллюстративном!) – осмыслении языковой действительности; во-вторых, концепция функциональных стилей, которая в качестве ядерной влилась в семантическое пространство заявленной М.Н.Кожиной области исследования – речеведения. Речеведение было выдвинуто «в качестве самостоятельной отрасли языковедческой науки, и рассматривался

этот подход как основа функциональной стилистики» [5, с.322]. На наш взгляд, здесь нет противоречия в трактовке статуса функциональной стилистики и речеведения, поскольку разработка концептуальных проблем функциональных макростилей для современной стилистики явилась основой изучения функционального аспекта языка, т.е. «глубокого анализа конкретных языковых фактов с позиций разных наук» [7, с. 145]. М.Н.Кожина подчеркивала необходимость рассматривать язык «в процессах речевой деятельности и общения. И здесь открылось огромное, неисчерпаемое поле деятельности для исследователей» [5, 37] (Курсив наш. – М.К.). Можно сказать, именно поэтому сознательно называю функциональную стилистику в трактовке Кожиной «концепцией», а не «теорией», поскольку ее труды, а также исследования ее учеников и последователей закрывают «белые пятна», контурно обозначенные в определениях, лишь частично. Что совершенно естественно! Чрезвычайно важно то, что, в-третьих, в определениях нам дана исследовательская программа, которая уже давно ждет не переписывания (умиленного цитирования), а большой работы исследователей-тружеников. Приведу примеры важнейших определений, в которых высоко отвлеченно (абстрактно), можно сказать, «зашифрованно» (для не посвященного в теоретическую стилистику так оно и есть) описана актуальная познавательная ситуация: «Функциональная стилистика – это лингвистическая наука, изучающая особенности и закономерности функционирования языка в различных видах речи, соответствующих тем или иным сферам человеческой деятельности и общения, а также речевую структуру складывающихся при этом функциональных стилей и нормы отбора и сочетания в них языковых средств» [4, с.13]. Этот концептуальный конструкт, который охватывает реальную «жизнь» языка, представляет собой четко разработанную исследовательскую программу: сферы человеческой деятельности и общения (какие?), различные виды речи (какие?), особенности функционирования языка (какие?), закономерности функционирования языка (какие?), складывающиеся функциональные стили (какие? когда?), нормы отбора (какие?) и др. понятия, без исследования и конкретизации которых, с одной стороны, данное определение просто

неинформативно. Ясно, что современное состояние стилистики (шире – речеведения) свидетельствует об актуальности изучения языка в беспредельном динамическом процессе его функционирования, причем изучения как в эмпирическом, так и в теоретическом отношениях. Потому так своевременно звучат слова М.Н. Кожиной в Предисловии к книге «К основаниям функциональной стилистики» – книге, изданной полвека назад: «Пафос этой книги – настоятельное требование и посильное обоснование собственно речеведческого изучения объекта в лингвистике» [5, с.318]. Можно утверждать, что собственно речеведческое направление в изучении языка пробило себе дорогу в беспредельном научно-познавательном пространстве как в российской лингвистической науке, так и в зарубежной.

III. Приведу один – из многих – факт, свидетельствующий о признании этой отечественной научной школы за рубежом. 2 февраля 2017 г. в Благоевграде (Болгария) состоялась успешная защита диссертации Д. Гергинова на тему «Особенности функционального стиля в русской и болгарской документации (на материале актов гражданского состояния)». В диссертационном труде представлен критический анализ крупнейших стилистических школ, среди которых выделены русская Пермская школа функциональной стилистики профессора Маргариты Николаевны Кожиной и болгарская стилистическая школа. А в Перми в это время продолжается изучение научных, официально-деловых, публицистических, рекламных и др. текстов в семантическом пространстве функциональных стилей русского языка.

Итак, отечественная школа функциональной стилистики, как и любая научная школа, решает сложнейшие задачи, учитывая:

- 1) бесконечность объекта и предмета, обуславливающую бесконечность познавательного процесса в области стилистики;
- 2) гармоничное сочетание теоретического и эмпирического компонентов лингвистического (стилистического) исследования для получения целостного знания;
- 3) гармоничное сочетание описательного и (необходимого) объяснительного компонентов стилистического исследования; при этом имея в виду, что объяснение неизбежно черпает аргументы не

из одного текста, а из дискурса, который «может быть выделен и описан по любому (а не только коммуникативному) основанию, имеющему значимость для человеческого поведения, культуры, жизни: медицинский дискурс, эмотивный дискурс, сентенционный дискурс, гендерный дискурс, поведенческий дискурс (животных и человека), экологический дискурс и т.д., которые напрямую не связываются ни с одним функциональным стилем» [8, 95]. Представляется важным подчеркнуть, что трансдисциплинарный объяснительный подход к речевой деятельности и ее продукту – тексту мы видим, по меткому выражению Е.Вучевой, не как соперничество между отдельными дисциплинами, которые взаимно оспаривают научный статус, а как возможность дополнения и взаимодействия в рамках единого антропоцентрического подхода к речевой деятельности (и тексту) [2, с. 84]. Кстати, объяснительный подход чреват опасностью превратить лингвиста в дилетанта, значит, неизбежно требуется использовать в качестве аргументов такие данные, которые оцениваются специалистами в смежных областях науки как достоверные;

4) сохранение традиций свидетельствует о развитии научного знания (новое не заменяет и не отменяет старое), поскольку интерес к фундаментальным проблемам научного направления формирует исследователя-профессионала, имеющего «широкий взгляд» на специфику научного мышления.

На основании весьма лаконично сказанного с позиций социологии науки логично сделать следующее заключение. Современная пермская стилистика – аналогично другим традиционным направлениям лингвистической науки – опирается на научное знание в области функциональной стилистики в целом; имеет необходимые теоретические и методологические предпосылки для обоснования нового полученного знания в пределах речеведения благодаря открытой возможности как применять доказанные теоретические положения, так и развивать их, выдвигая гипотезы, доказывая теоретически (пользуясь для этого достижениями смежных наук) и эмпирически, получая новые научные факты для аргументации функционально-стилистической концепции и формирования целостного знания.

Библиографический список

1. Архипов И. К., Природа концепта и методы его изучения // А. К. Киклевич, А. А. Камалова (ред.), Современная русистика: направления и идеи, т. 2: Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ. Olsztyn: Centrum Badań Europy Wschodniej. 2010. С. 163–174.
2. Вучева Е. За трите семантични плана на речт // Съпоставително езикознание.– 2000. – № 1. С.45 – 55.
3. Киклевич А.К. Притяжение языка. Т. 4: Языковая деятельность: семантические и прагматические аспекты. – Olsztyn, 2016.: СВЕУ. – 372 с.
4. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. – Пермь, 1966. – 213 с.
5. Кожина М.Н. Интерпретация текста в функционально-стилевом аспекте, Кожина М.Н. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды . – Пермь: Перм. ун-т, ПСИ, ПССГК, 2002. – 475 с.
6. Котюрова М.П., Тихомирова Л.С., Соловьева Н.В. Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого.– Пермь: ГОУ ВПО «Перм. гос. ун-т», НОУ ВПО «Зап.-Урал. ин-т экономики и права», 2011. – 394 с.
7. Кривонос А.Т., 2010 – Кривонос А.Т. Спорное в когнитивной лингвистике, Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ/ Научная редакция А.Киклевича и А. Камаловой. – Olsztyn. С. 131– 162.
8. Сулименко Н.Е. Текст и аспекты его лексического анализа: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2007.
9. Швырев В.С. Научное познание как объект междисциплинарного исследования: научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН АН СССР, 1986.

Кузова Майя Димитрова
доктор филологии, гл. ассистент
Пловдивский университет имени
Паисия Хилендарского
Болгария, г. Пловдив
e-mail: majakuzova@abv.bg

Kuzova Maya Dimitrova
Chief Assis., Ph.D.
Plovdiv University «Paisii Hilendarski»
Bulgaria, Plovdiv
e-mail: majakuzova@abv.bg

М.Д. Кузова

АРТИСТИЧНЫЕ АФФИКСАЛЬНЫЕ РЕДУПЛИКАЦИИ В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. На всех языковых уровнях наблюдаются переосмысление и амбивалентность языковых манифестаций эмоций, лихорадочность и избыточность в выражении степени и экспрессивной оценки. Акцент в настоящей работе на парадоксе «излишества» в болгарском и русском языках. Дублирование возможно в пределах слова – при помощи аффиксов наслаивается семантический компонент, уже эксплицированный или присущий мотивирующей основе. Присутствующая или уже дублированная сема дополнительно поддерживается и внешним квантором. Проанализированы конкретные образцы сочетательных редупликаций. Явление *кратности* выражения одной и той же семантики демонстрирует системный характер, а модели, на нем основанные, широки и стабильны в обоих языках.

Ключевые слова: степень, аффиксация, дублирование сем, плеоназм

M.D. Kuzova

ARTISTIC AFFIXAL REDUPLICATIONS IN BULGARIAN AND RUSSIAN

Abstract. At all linguistic levels there are manifestations of ambivalence of the emotional sign reaching paradoxality. The study is about linguistic forms of expression and, more specifically, the pragmatic power of reduplicated prefixes. The prevailing meaning of the attached prefix may not be closely related to the word stem (root), may resemble and double it. There are situations where the prefix is added not simply for grammatical «correctness». This paper describes the way prefixes 'behave' in speech acts, marked with emotion and assessment. In these cases, the prefix itself (by saying of the same thing twice) opens the perspective for subjective and pragmatic aspects of interpretation. And this is not considered to be a fault of style.

Key words: assessment, pragmatics, prefixes, tautology

Представленный здесь материал является частью многолетнего исследования, посвященного «конфликтным» экспликациям эмоции

и языковым парадоксам в целом в болгарском и русском языках: рассмотрены свидетельства на разных языковых уровнях и типичные направления переосмысления знака оценки или степени [2,3,4,5]. Независимо от разнообразия, ясно очерчиваются закономерности и системные проявления, аналогичные в двух рассматриваемых языках.

На общем фоне обработан и показательный периферийный материал. В широком смысле и условно тавтология рассматривается как вид парадокса – парадокс излишества. Различные редупликации, однако, могут быть не просто формальным «зацикливанием». Отсюда и их отграничение от излишеств, ничего не добавляющих к уже сказанному, считающихся дефектом, *допущением* (несознательным, нечаянным).

Нас интересуют **нарочные** избыточные (плеоназموподобные) образования, т.е. случаи, когда насаивание модельно и используется для усиления или нюансирования эффекта высказывания.

Явление можно рассматривать как особенность внешней валентности – в лексикальных комплексах с явной или скрытой тавтологией: **болг.** *свой собствен, един единствен, абсолютно никакво, абсолютно никой, максимално много, съвсем нищо, съвсем завинаги, съвсем окончателно, напълно непознат*; **русск.** *совсем навсегда, совсем окончателно, совсем пустой, совершенно исключительный, однозначно ясный, достаточное основание, абсолютно никто*. Мы достаточно к ним привыкли, хотя в режим градации включены качества, трудно совместимые с представлением о степени или принципиально не предполагающие остепенения.

Иногда из-за амбивалентности высокой степени оценки налицо дублирование семантики названного качества и его внешнего маркера: **болг.** *поразително странен, удивително особен, изключително рядък, изключително оригинален*; **русск.** *потрясающе волнующий, удивительно странный*. Это так называемые «синонимические редупликаты» – явление, обычное для спонтанной речи: *Благодаря ему [известному кутюрье Юдашкину] мы стали **более лучше** одеваться*) – пример из [1, с. 263].

Знаковое место среди проявлений кажущейся избыточности занимает и идиоматика, основанная на тавтологии: **болг.** *глупак с*

глупак; подлецьт му с подлец; глупак на глупаците; не глупак, ами глупак; глупакът си е глупак; русск. дурак дураком; дурак есть дурак; дурак как дурак; всем дуракам дурак; дурак из дураков; вот дурак так дурак.

Здесь и сейчас нас интересуют примеры особой внутренней валентности, характерологические повторы лексемных конститuentов, регулярно поддерживаемых и эксплицированным квантором.

Вот о чем идет речь.

В обоих языках производят впечатление композированные из накопленных ингредиентов фразы, в которых присутствие суффиксов, дублирующих квантор, уравнивает «неуверенную» семантику: **болг.** *малко мъничко, леко скучничко, леко глупавко, малко множко, малко големичко; русск.* *немножко (несколько, чуть, малость) многовато, чуть маловато, малость холодновато.*

Распространено, особенно в болгарском языке, дублирование неполноты квантора и именного суффикса (*малко дебеличък, малко мъничък, леко шантавичък, малко глуповат, леко слабоват, малко въздълъг*) или дублирование неполноты квантора и глагольного префикса (*малко се поизплаших, малко попрекалих, малко поизостанах, леко се поизложих*).

Дальше представим коротко модели, которые могут быть и именными, и наречными, и глагольными. До сих пор они не подвергались специальному исследованию, как специфическое явление с общей основой.

Типична в болгарском суффиксальная модель прилагательных, образованных префиксом *въз-*: *възстар* (**русск.** *староватый, довольно старый*), *възчервен* (**русск.** *красноватый*), *възголям* (**русск.** *великоватый*). Она признана специфическим словообразовательным феноменом, а по лексикографическим данным – бесспорно продуктивна. Но и не легкая для описания.

Б. Норман, например, через 20 лет после предыдущего своего исследования возвращается назад, чтобы переформулировать сложность проблемы и уточнить собственную точку зрения. Он начинает свои новые рассуждения так: «Решить вопрос о том, чем мы располагаем – «неполнотой» или «ослабленностью» – означает

определить не только точку отсчета, но и направление движения говорящего по воображаемой шкале. А именно: или говорящий движется от «нуля» признака (тогда у нас «неполнота» качества), или идет от максимума (тогда признак можно определить как «ослабленный») [8, с. 449]. Речь идет об известном превышении меры признака по отношению принятой нормы. Если, однако, пойти от обратного, появляется „соблазн“ выделить в болгарском языке еще одну «направленность» градации, выведенную семей «неполнота признака». Такому «грамматическому» толкованию дериватов с *въз-* резко противоречит накладываемая негативная оценка говорящего (т.е. вмешательство эмоционально-оценочного нюанса) и реально весьма низкая их речевая частотность [8, с. 450].

Первоначально значение таких образований сводится к «ослабленности признака, названного коренной морфемой», а последующие уточнения дефинируют парадокс модели – болгарские прилагательные с *въз-* и их русские соответствия с *-оват* имеют семантику «**уменьшение** степени какого-либо признака, воспринимаемого как **избыточного**»: так *възстар* / *староватый* означает «более старый, чем надо, чем ожидается, но **не очень старый**», *възширок* / *широковатый* – «более широкий, чем нужно, чем необходимо, шире обычного, но **не очень широкий**» [9, с. 52] (шрифтовые акценты мои – *М.К.*). Подобная семантика содержит внутреннее противоречие: с одной стороны, есть излишество признака по отношению к некоторой норме (качества), а с другой, – это излишество редуцировано, ослаблено (важна и субъективная сторона второго направления). Не доходя до преувеличенной многозначности (1. *Излишество*; 2. *Неполнота, недостаточность.*), следует сформулировать специфическое сложное значение: **ослабевание излишества качества.**

Исследования показывают, что присоединение суффикса теоретически не запрещено ни для одной адъективной основы (если обозначаемое ей качество располагает капацитетом «меры»), что косвенно выясняет потенциальный характер явления в сознании носителей языка.

Мы дополним общие анализы периферийной градации рассмотрением морфологических вариантов и производных форм: **възголемичък** от **възголям**.

Неглизировать этот вторичный (нагнетенный, усугубленный) трансформ модели нельзя. Производные формы исключительно показательны и, кажется, подтверждают **стратегический** характер неустойчивости, очерченной выше общей противоречивости, формальной и смысловой. В этом сама сущность явления, а колебание семантики связано с колебанием автора речи (в определении степени и ее оценки).

Важно опять уточнить, что ситуация формально осложняется и эксплицированным наречным квантором, который дублирует оба противоречивых показателя. Он пытается уравновесить шаткую семантику суффикса и равняется избыточности в производных **възголемичък** (*възкъсичък, възсложничък*), т.е. подтверждает ее: *малко въздълъг* тяготит к расширяющемуся кругу, в который попадают *малко сложничко, малко раничко, леко грозноват, леко широковат*. Тот же принцип находим и в русском языке: *чуть солоноват, несколько рановато...*

Из-за закрепленности сложного семантического потенциала, присущего аффиксам, а также благодаря модифицирующей роли внутреннего контекста и близкого лексического окружения, эти тавтологические комплексы приобретают возможность напрягать и колебать количественный показатель. Это усиливает общую оценочную семантику и в то же самое время привносит искомую особую уклончивую деликатность.

Интерес к суффиксальной полисемии включает исследование неинвариантных аффиксов, чей потенциал не ограничен каким-либо пределом: суффикс **-оват-** с установленной полисемией и довольно широкого объема семантического содержания; кроме постоянного компонента (сема «признак»), налицо и категориальные семы, которые получают еще в *малом* контексте прилагательного различные (даже существенно) конкретные реализации, например, выражают отношение, количество или степень (**незначительное** количество / **слабая** степень проявления признака или **большое** количество / **высокая** степень) – еще см. в [7, с. 85]. Конкретная

речевая ситуация возбуждает периферийную сочетаемость по аналогии с нейтральной. В русском языке отмечены и окказионализмы: *курносоватый, прохладноватый, ехидноватый* [7, с. 87].

Ясно, что среди устойчиво закрепленных или актуализированных сем есть и экспрессивно-стилистические. В русском языке отмечено типичное для суффиксального словообразования явление, получившее в грамматических описаниях название «стилистическая модификация». Есть большой массив образований, которые по семантике не отличаются от мотивирующих, но ярко окрашены стилистически. К ним относятся, например, некоторые существительные (из разговорной или просторечной лексики), функционирующие как фразы-реакции: *смехота, срамота, скукота / стыдоба / стыдуха / хламье...* Благодаря суффиксам, они выражают еще более темпераментную оценку явления или ситуации. Поскольку мотивирующее слово само по себе содержит оценку, а характерный суффикс ей вторит, опять налицо экспрессивное усиление через тавтологию.

По В. В. Лопатину это безусловно факты вторичной номинации. Близки к нашим и **выводы о неслучайности явления**, хотя все его рассуждения остаются в пределах стилистики: «суффиксальная универбация и вторичная номинация однословной базы обычно сопровождаются в той или иной мере экспрессивизацией наименования» [6, с. 154]¹. Факт, что суффикс выражает семантический компонент, уже выраженный в мотивирующей основе, бесспорно закономерен, он является следствием своеобразного взаимного притяжения суффикса и основы, как содержащих тождественные семантические компоненты: «Подобное двойное выражение одной и той же семантики в структуре слова выполняет при стилистической модификации определенную функцию – функцию усиления, выделения, подчеркивания выраженного таким образом смысла. Этот смысл подчеркивается, во-первых, уже тем, что выражен дважды, повторно, и с этой точки

¹ Суффиксы, кажется, имеют одновременно словообразовательное («мутационное» по И.С. Улуханову [Улуханов 1988: 250]) и стилистически модификационное значение.

зрения явление следует причислять к разнообразным случаям повторения, характерного для экспрессивной, эмфатически окрашенной, прежде всего разговорной, речи» [6, с. 157].

Большинство суффиксальных прилагательных допускают соседство квантора, по крайней мере нами не зарегистрированы существенные рестрикции для этого. Иной вопрос, насколько частотно явление: по нашим наблюдениям примеров много, употребление квантора регулярно предпочитается, к тому же он иногда и неустраим.

Поэтому добавим к вторичным вариантам эксплицитный квантор, т.е. посмотрим характерный для обоих языков стандартный эпатажный способ дублирования сем.

Типичны и очень фреквентны русские сочетания с эксплицитным наречным маркером неполноты / недостаточности и «умаляющим» именным аффиксом типа: *чуть наговатый, чуть голубоватый, чуть лиловатый, чуть зеленоватый, чуть туповат, чуть припудренный, чуть приоткрытый; несколько туповатый, несколько горьковатый, несколько маловат* (при нетипичности «облегченных» *чуть мал / несколько мал*).

В болгарском языке квантор также может артистично смягчать высокую степень или даже предел признака: *малко прекален*. Но эта модель не так частотна и к ней ряд ограничений – отмечены примеры типа *леко тесничък, леко тълчък, леко глуховат, леко глуповат, леко слабоват, леко странноват* (нетипичны **леко червеникав, *леко жълтеникав*, скорее употребляется *бледо жълтеникав*, что смещает семантику в сторону названия оттенков).

Неактивна модель **леко възтъп* (окказионально отмечено *леко въздълъг*), редко и обратное двойное усиление: *много преуморен; русск. очень / сильно переутомлен*.

Так или иначе, возможные деликатные варианты последовательно расшатывают чисто количественный показатель, что динамизирует комплексы и дает возможность чередования тонких семантических вариаций.

Семантика основной лексемы может категорически противоречить и традиционно пытавшемуся ее дополнить префиксу низкой степени *по-*. В болгарском нередко примеры, выявляющие

знакомую стратегию для формального преодоления этого противоречия: как раз путем дублирования маркеров в комплексе с наречным квантором неполноты / недостаточности / низкой степени. Наслаиваются префикс **по-**, второй аффикс и наречный маркер: *малко попресилен, малко попрехвален, малко поощен, леко позахабен, леко позабравен*. Двойная «страховка» прагматически даже предпочитается (срв. с реже выбираемыми *малко пресилен, малко прехвален, леко забравен*).

Дублирование наречия и размерных или оценочных диминутивов (наречий) тоже отмечено в обоих языках: **болг.** *леко късничко, малко раничко, малко страшичко* [Май е малко раничко, недей хапва баничка, носи я татко, носи я на мама...]; **русск.** *несколько поздновато, чуть рановато, чуть скучновато, чуть маловато, чуть жутковато, чуть поразборчивее...*

Любопытна и территория глаголов.

Характерно, особенно для болгарского языка, практически обязательное дублирование семы неполноты квантора и глагольного префикса **по-**. Префикс чаще всего присоединяется к уже префигированным глаголам, добавляет четкую семантику недостаточности / ограничения / низкой степени и контактуется с другими многозначными префиксами, не считаясь с их оттенками. Почти все болгарские глагольные префиксы встречаются как вторичные:

малко / леко: *понапълня, ме понаболява, (ми) понамирисва, се понапи, понаваля // поизбута, (се) поизцапа (поизложи, поизмори, поизплаши) // позамижда, позагасна, позагоря, се позатича (позасмя), (се) позагледа (позаслуша, позабави), позавая, попрегърмя, (се) позастуди (позахлади, позаснежи, позатопли) // поразпита, поразблъска, поразрови, поразгони, поразхвърля, пораздига, (се) поразсъни (поразведри, поразвесели) // поотвори, поотмина, поотслабна, поотрасна, се поотчужди, го поотгледа, (се) поотпусна (поотдръпна) // поутихна, поувехна, се поувлече (поукроти, поумори) // (се) пообърка (пооправи, поогледа) // попряеде, попрегледа, попресоли, попреглади, попретиса, попреваля // попрочете, (се) попрочисти (попроясни) // попритъмня, поприкапа, попривърши, попридърпа, попритвори, поприседна (се) поприготви //*

(се) поскъси (посмекчи, посъстари), се посъживи (посмрачи, постъмни) // поподтичва, се поподсмихна и др.

Дублированная префиксация, дополненная умягчающим квантором, является стабильной моделью. Независимо от семантики структурных элементов (морфем), целостная модификация происходит не только и не просто из суммы их значений, а и из их сложных отношений, которые подлежат выяснению и при посредстве наречного квантора. Это и впечатляюще активная модель, но здесь ограничимся только этими штрихами.

Тавтологические сочетания (симметрические или нет) из наречного маркера и префикса показательны и в русском языке, но не так распространены. Наслаивание префиксов встречается реже и обычно сопровождается чувствительным снижением стиля. В дополнительно осложненном варианте типичны префиксы **при-**, **по-**, и **под-**, сочетающиеся с суффиксом несовершенного вида или со вторым префиксом:

чуть / слегка, немного, несколько: *прихрамывал, потивал, побавивался, побаливало, попахивало, поворовывал, позванивал, подпаивал, подпрыгивал, подкашливал // приотстал, приоткрыл, припогасло (сияние), приподнял (голову), призадумался, побеспокоил, поистратил, попривык, попривык, попритих, попросох, понабрал, пообжился (нар.), пообносил(ся) (нар.), пообнаглел, пообсох, пообчистился, поотвык, поотошел, поотстал, пораздумался (фам.), поразмял(ся)(фам.), поразмыслил, поразузнал (фам.), пораскидал (фам.), порассказал, порасспросил, порассудил, побавил, побил (фам.), поубавил, поугомонился, поулегся, поустарел, подвыпил, подзакусил, подзаработал, поднажал* и др. В границах модели, как и в болгарском языке, сложные взаимодействия между наслаиваемыми оттенками.

Если обобщить, в обоих языках без наречного маркера неполноты эти застывшие в дублетном варианте (разговорные) выражения звучат непривычно, т.е. тавтология ожидаема и, в таком смысле, чаще обязательна.

Мельком отметим, что в русском языке, кроме наречий, дополнительное усиление умаления закономерно вносит прилагательное, создающее эксплицитный семантический плеоназм

типа: *маленький паренек, маленькая девчонка (девчоночка), миленькое личико, крошечные глазки, старенькая старушка*. Тавтология достигает своего пика, не покидая пределов нормы. «Излишество» такого типа широко распространено, особенно при выражении эмоциональной оценки. Проявляется действие одного из законов словоупотребления, так называемого «экспрессивно-стилистического согласования» – выразительность слова или контекста определяет выбор соседнего, такого же выразительного слова: *мелкий дождичек, темненькие волосики, кусочек хлебушка*.

В переводе на болгарский язык конструкции следует «эмоционально» облегчать, так как подобная избыточность ему чужда. Примеры такого типа редкие, но некоторые (по указанной причине) довольно яркие. Они напрягают форму нормы, фразы дополнительно переосмыслиются в иронические или резко негативные. В квазидружелюбных выражениях *момченце (момиченце, детенце) мъничко* тавтология ласковости может нагнетать пейоративность и превращать фразы в однозначно злостные обращения-критики, в угрозы. Не редуцируют пейоративность и кванторы *мальк / дребен*; наоборот, они организуют крайне неласковые оценки типа *мальк мръсник, мальк доносник, дребен хитрец* – еще об этом см. в [5].

Для нас бесспорно, что все рассмотренные здесь явления можно определить как **системные**. Было отмечено, что в них тавтология играет особую роль, это стратегия, а пропуск повтаряемого непривичен или невозможен.

Выражения плеонастического типа видимо **артистичны**, но они расположены в подступах языковой экспрессии: иногда ее поддерживают, однако, не всегда или непременно имеют прямое к ней отношение. Стихия экспрессии, вне сомнения, не в повторении, а в контрасте, создающем яркий конфликт или парадокс.

Библиографический список

1. Всеволодова М.В. Части речи и категориальные классы слов // LITERA SCRIPTA MANENT. Служение слову (сборник, посвященный 70-летию доц. д-ра Анны Николовой). Шумен, 2012. – С. 250-266.
2. Кузова М. За *предела* в изразяването на оценка и степен в българския и руския език // Актуални проблеми на съвременната лингвистика.

- Юбилеен сборник в чест на проф. д.ф.н. д-р хон. кауза Стефана Димитрова (под ред. на Максим Стаменов и Иво Панчев). БАН. Институт за БЕ. София, 2016. – С. 153-159.
3. Кузова М. а) Адмиративность пейоративности в болгарском и русском языках // Юбилейна международна научна конференция «Русистика: язык, культура, перевод», СУ «Св. Климент Охридски», София, 2012. – С. 94-100; б) Плеонастическая экспрессия в русском и болгарском языках // НТ на ПУ «П. Хилендарски». Том 50, Кн.1, Сб. В. Филология. Пловдив, 2012. – С. 319-326.
 4. Кузова М. Расстояние между много и мало: о конфликтной сочетаемости в русском и болгарском языках // X Международный симпозиум МАПРЯЛ «Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике». Велико Търново, 2011. – С. 218-221.
 5. Кузова М. Парадоксы экспрессии (*замаскированная пейоративность* в болгарском и русском языках) // *Динамика языковых процессов: история и современность* (к 75-летию со дня рождения проф. П. Филковой). София, 2004. – С. 185-199.
 6. Лопатин В.В. Синонимия мотивированного и мотивирующего слов в русском словообразовании // *Язык: система и функционирование* (отв. редактор Ю.Н. Караулов). АН, Институт русского языка, М., 1988. – С. 151-158.
 7. Митев Д. О формировании семантики относительных прилагательных // *Аспекты контрастного описания русского и болгарского языков*, вып. 1, Шумен, 2004. – С. 69-108.
 8. Норман Б.Ю. Градация в болгарском языке // *Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien* (Herausgegeben von Helmut Jachnow, Boris Norman und Adam E. Suprun unter Mitarbeit von Tina Drechsler und Zilka Idrizović), Harrassowitz Verlag – Wiesbaden, 2001. – С. 432-456.
 9. Норман Б.Ю., Осипова С.К. Об одном семантико-словообразовательном типе болгарских прилагательных (прилагательные с префиксом *въз-*) // *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя ІV. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. Псіхалогія*, № 3, Снежань, Мінск, 1981. – С. 51-56.
 10. Улуханов И.С. О грамматических свойствах мотивирующих слов // *Язык: система и функционирование* (отв. редактор Ю.Н. Караулов). АН, Институт русского языка, М., 1988. – С. 249-258.

Ангелова Ганна Вадимовна
доктор филологии, гл. ассистент
Департамент языкового обучения,
Софийский университет имени Св.
Климента Охридского
Болгария, г. София
e-mail: anna_angelova@ukr.net

Angelova Ganna Vadimovna
chief Assis., Ph.D.
Department for Language Teaching
Sofia University St Kliment Ohridski
Bulgaria, Sofia
e-mail: anna_angelova@ukr.net

Г.В. Ангелова

ФИТОНИМ МЕЛИССА ЛЕКАРСТВЕННАЯ (MELISSA OFFICINALIS L.) В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Статья посвящена изучению наименования эфирномасличного травянистого растения мелисса лекарственная (болг. маточина) (*Melissa officinalis* L.), относящегося к тематической группе «Лекарственные растения семейства Губоцветные (Labiatae)». В ней рассматривается происхождение номинации, определяются значимые (специфические и функциональные) признаки фитонима, заложенные в основе наименования, способы их языкового выражения, создаются модели номинативных рядов в русском и болгарском языках.

Ключевые слова: фитоним, значимый признак, номинативный ряд, способ номинации

G.V. Angelova

PHYTONYM OF MELISSA (MELISSA OFFICINALIS L.) IN ONOMASIOLOGICAL EMPHASIS (FROM RUSSIAN AND BULGARIAN SOURCES)

Abstract. The article looks into the nomination of the herbaceous plant melissa (Bul. маточина) (*Melissa officinalis* L.) that falls under the thematic group „Medical herbaceous plants of the family Lamiaceae». The origin of the nomination and the specific and functional features of the phytonym embedded in the basic principles of nomination are being examined in the article, as well as the ways of their expression. Models of its nominative row in the Russian and Bulgarian languages are also being provided in this article.

Keywords: phytonym, significant features, nominative row, method of nomination

Известно, что лекарственными именуется растения, являющиеся источником получения лекарственного сырья, т.е.

целительных средств от болезней, преследующих человека. Вероятно, именно необходимость их использования в практических целях стимулировала изучение характерных, специфических и функциональных признаков, заложенных в основу наименований. При этом, понятие о реалии, сформированное и закрепленное словом, явилось результатом отбора и обобщения множества единичных явлений, в процессе которого сосредоточивалось внимание на его главные, определяющие признаки [17, с. 16].

Ономасиологическое освещение процесса номинации позволяет рассмотреть фитонимы как результат познавательной деятельности человека, выявить наиболее ярко представленные признаки, заложенные в основу наименований и образующие номинативные ряды в русском и болгарском языках и говорах, которые отражают разные свойства реалии и выполняют информативное назначение, а также определить продуктивные способы, с помощью которых реализуется данная номинация.

Целью данного исследования является изучение одного из фитонимов, относящихся к тематической группе «Лекарственные растения семейства Губоцветные (Labiatae)», выявление значимых признаков номинации, их способов выражения и выделение моделей номинативных рядов в русском и болгарском языках.

С этой целью мы рассматриваем наименование *мелисса лекарственная* (болг. *маточина*) – многолетнего эфирномасличного травянистого растения; вида рода Мелисса (*Melissa*) семейства Губоцветные (Labiatae) с прямостоячим, ветвистым стеблем, светло-зелеными, черешковыми, яйцевидными листьями, мелкими цветками, собранными в ложные мутовки, расположенные в пазухах листьев.

Родиной мелиссы лекарственной считают Южную Европу. Сейчас ее культивируют практически по всей Европе, Северной Америке и Азии.

Ароматное растение цветет в июне-августе и обладает приятным лимонным запахом, отчего в болгарском языке именуется *лимонче* [14, с. 262], а в русском языке - *лимонной травой*, *лимонкой* [15, с. 665], а еще и *лимонной мятой* [2, с. 213; 15, с. 665]. Очевидно, в семантической структуре исследуемого фитонима наблюдается отношение подобия, акцентируется внимание на

«специфический признак» – на аромат эфириноса, подобный аромату лимона, относящегося к тому же семейству, что и мята (*Mentha*). Наименования растения в русском языке **цитронь-мелисса**, **цитронель**, **цитронная трава** [2, с.213; 15, с. 665] можно считать производными от *citron* «лимон», восходящими к лат. *citrus* «лимонное дерево» (*citrium* «лимон»). «От лат. *citrus* в русском языке наименование цитрусовые – буквально «лимонные» (деревья и их плоды)» [23, с. 425], т.е., по всей видимости, в основу наименования лег тот же «специфический признак», отражающий характерный запах растения.

В номинации болгарского языка **врес** [14, с. 262] также актуализируется признак сходства между мелиссой лекарственной и вереском обыкновенным (болг. калуна, или врес) (*Calluna vulgaris* L.), который, как и мелисса, имеет приятный запах и является хорошим медоносом.

Следует отметить, что, кроме мелиссы лекарственной, **душкой** [15, с. 665] (от общеславянского слова дух, со значением «запах, аромат») [19, с. 455] именуются и другие душистые растения, например, душица обыкновенная (болг. риган) (*Origanum vulgare* L.), т.е., как и в предыдущих, в данном случае «специфический признак» (аромат приятно пахнущего растения) способствует переносу наименования с одного объекта на другой [1, с. 27].

Вышеуказанный признак, характерный для душистых растений, наблюдается и в наименовании **кадило** [2, с. 213; 15, с. 66] в русском языке, образованном от глагола кадить со значением «курить, жечь благовония» [11, с. 71] в ходе обрядов церковной службы.

Интересно отметить, что согласно древнегреческим мифам Мелиссой звали нимфу, которая научила людей добывать мед и вскормила вместе со своей сестрой Адрастеей Зевса в пещере на острове Крит [10, с. 250].

Наименование **мелисса** образовано из др. гр. μέλισσα (пчела) со значением «перепончатокрылое насекомое, которое производит мед и воск», отсюда и др. гр. μέλισσοβοτάνο (пчела + лекарственное растение), т.е. «вид ароматного растения» [24, с. 450], привлекающего пчел и обладающего целительными свойствами.

Следует отметить, что в традиционной славянской культуре пчела воспринималась как «чистая» Божья тварь. Определения - «святая», «божья» – связаны с народным восприятием пчел как существ, которые, кроме меда, производят воск для свечей, используемых при богослужении, т.е. вещь чистую и приятную для Бога. О божественной сущности пчел говорится в этимологических легендах о соперничестве Бога и дьявола, народных поверьях о жизни на земле, о конце света, связанном с их исчезновением и др. Сокральность пчелы прослеживается в приурочивании пчеловодческих обрядов к праздникам Зачатия Пресвятой Богородицы (9/22 декабря), а также Благовещения Пресвятой Богородицы (26 марта /7 апреля). Связь между пчелой и Богородицей наблюдается и в традиционной культуре болгар. Так, в народном представлении Бог благославил пчелу создавать самое сладкое на земле – мед. С тех пор нектар, собранный с цветков ароматных растений и превращенный пчелами в мед, стал считаться магическим средством, задабривающим или отпугивающим болезни.

Вероятно то, что Melissa лекарственная является ценным медоносом, обеспечивающим пчел во время цветения отличным нектаром, нашло отражение в номинациях русского языка *медовка*, *медовый башмачок* [15, с. 665], которые, кроме функционального признака, указывают и на форму цветочного венчика растения.

Можно думать, что в основу наименования *мелисса паточная*, *папочная (паточная) трава* [2, с. 213; 11, с. 313] лег тот же функциональный признак, т.к. патокой назывался «самый чистый мед, отделяемый от воска без применения огня и пресса, самотеком (тж. медь патока)» [20, с. 169].

Следует заметить, что травой мелиссы лекарственной пчеловоды натирали новые ульи, для того чтобы приманить пчелиную матку, а вместе с ней и обособленную группу пчел для их освоения, что нашло отражение в целом ряде номинаций русского и болгарского языков, например, в наименовании русского языка *роевик* [15, с. 665], образованном от лексемы рой с основой, что и рька (нь/ој) (река), со значением «обособившаяся, улетевшая от остальных семья пчел» [23, с.395], а также в номинациях болгарского языка *матичина*, *матечина*, *матъчина*, *маточина* [4, с. 687; 14, с.

262] от «праслав. *māticā, произв. с наст. –icā) со значением «пчелна царица» [4, с. 685] и *пчелек, пчелиняк, пчеларник* [14, с. 262], образованных от «праслав. *bъčelā) со значением «помещение за кошери; пчели» [5, с. 28] и выражающих функциональный признак - использование растения мелисса лекарственная в пчеловодстве.

Логично думать, что номинацию *мятушник* [15, с. 665] едва ли можно отделить от глагола метать, если иметь в виду пчелиный рой, выпущенный из улья и тревожно мечущийся по всему пчельнику в поисках пристанища. Когда же он «сълъ на чемъ клубомъ, его огребають въ ройникъ, лукошко, обтянутое холстомъ, и сажают въ новый улей, пень» [12, с.102], предварительно натертый мятушником (мелиссой лекарственной) для того, чтобы «рой привился, обжился въ новомъ ульѣ» [там же], т.е. в основе наименования - функциональный признак.

В болгарском языке номинация *кошерджийска трева* [14, с. 262], по-видимому, выражает тот же признак, т.к. это определение в наименовании образовано „от праслав. *kasjъ, сродно с лат. quallum/quallus «кош, кошница» (*k^was-slo-m), а то от ие. *k^was(-jo-)» [3, с. 690] со значениями «къщичка сандък или кошарище с пчели» и «семейство от пчели, които живеят в един кошер» и трева (русск. трава) - «растение с тънко зелено стъбло» [7, с. 389], применяемое для обработки улья (болг. кошер за пчели) с целью освоения его молодым роєм.

Мелисса лекарственная более 2000 лет успешно используется в научной и народной медицине. Ее лечебные свойства впервые были описаны в «Истории растений» древнегреческим философом, естествоиспытателем Теофрастом (IV в. до н.э.). Древнеримский писатель-эрудит Плиний Старший (I в. до н.э.) в книге «Естественная история» и древнеримский врач Педаний Диоскорид (I в. н.э.) в книге «О лекарственных веществах» давали первые рекомендации по применению данного лекарственного растения.

Знаменитый ученый, философ и врач Авиценна (X-XI вв. н.э.) в своем сочинении «Канон врачебной науки», описывая свойства мелиссы, называл ее «усладой сердца», т.к. эту траву применяли при сердечно-сосудистых заболеваниях, при гипертонической болезни, тахикардии, астме, бессоннице, а также как стимулирующую

пищеварение. В средневековой Европе растение было не менее популярным. Его целебные свойства описывали французский ученый, врач Одо из Мена (XI в.), швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель, натурфилософ эпохи Возрождения Парацельс (XVI в.), считавшие мелиссу лучшим растением из всего того, что для сердца рождает земля.

Мелисса лекарственная является природным антидепрессантом, успокаивающим нервную систему. Она использовалась в качестве седативного средства, лекарства от душевных болезней. Даже видовой латинский эпитет *officinalis* (лекарственный) подчеркивает лечебные свойства данного растения.

На Руси мелиссу лекарственную применяли при спазмах желудка, коликах, сердечных возбуждениях, истерических припадках, головокружениях и обмороках, связанных с нарушениями нервной системы.

Вероятно, поэтому (как полисемант) номинация *маточникъ* [2, с. 213; 15, с. 665] связана не только с различными растениями, сходными по свойствам, но и с нервным заболеванием (маточницей), снадобьем от которого мелисса лекарственная и является. Так, в русских народных говорах наименование обозначает: 1) растение ромашка, маточная трава, *Matricaria chamomilla*; 2) растение *Cirsium heterophyllum*, пустосель, чертополохъ, репейникъ, татаринъ, льсной осоть; 3) растение *Dracoscephalum moldavica*, медовикъ, турецкая мелисса; 4) маточный, отпосящійся къ маткѣ или маточнику, маточницѣ. Маточный припадокъ, истеричный [11, с. 308].

Очевидно, в данном случае, метафорическое использование наименования маточник указывает на функциональный признак: практическое применение мелиссы лекарственной при нервно-психическом заболевании – истерии (болг. хистерия) (от греч. *hystera* - матка).

Следует отметить, что нередко болезни в народной медицине соотносились с теми органами, в которых они проявлялись, и, таким образом, совмещались в одном наименовании. Логично думать, что маткой именовали болезни, связанные с соответствующим внутренним органом, целебным средством от которых являлась мелисса лекарственная, или *матка* [2, с. 213; 15, с. 665].

Кроме того, известно, что в основе народной медицинской номинации почти всегда лежали суеверные представления о самом заболевании. Так, лексема мать, образованная от праслав. *matī, matere имеет форму matka, которая в некоторых славянских языках «воспринимается как уменьшительно-ласкательная (ср. блр. matka, польск. matka, чеш. matka)» [23, с. 259], в русском – матушка, поэтому, по распространенным в народе воззрениям, вышеуказанную форму использовали в комплексе магических действий, в задабривании болезней.

Видимо, русские, персонифицируя болезнь, старались умиловать ее, поэтому употребляли табуистические, родственные наименования, уменьшительно-ласкательную форму, например, оспу (воспу) – «особо опасное инфекционное заболевание, сопровождающееся лихорадкой, общей интоксикацией, поражением кожи характерной сыпью» [21, с. 1155], именовали matka, матушка Оспа [8, с. 310, 381], а лихорадку – matka, матуха [22, с. 581]. Кстати, болгары также использовали родственные, ласкательные, даже комплиментарные наименования оспы: баба Шарка, шаруля, сладка и медена, богинка, цветенцето, редушка, медена-маслена, лелика, баби ката и др. [9, с. 147].

Можно думать, что в данном фитониме с помощью номинативных средств языка нашли отражение не только первичные представления о причинах различных заболеваний, т.к. антропоморфизм был основным принципом мировоззрения на ранних этапах развития общества, но и целебные свойства растения, используемые при инфекционном заболевании оспа (болг. едра шарка) (variola), а также при общей реакции организма на инфекцию – лихорадке (болг. треска) (febris).

В болгарском языке наименование *пчелно биле* [13, с. 592] со значением «билка» [Български тълковен речник 2008: 60] (русс. лекарственное растение), образованное «от ие. *bhūljō-, срв. гр. φύω «раждам, раста», φυτόν «растение» и др., от един. произход със стб. БЫТИ «съм, съществувам», начално знач. «това, което съществува, живее, расте»» [3, с. 47] и видовой эпитет *пчелно* со значением «който се отнася до пчела» [7, с. 793] «от праслав. *bъčelā» [5, с. 28], по всей видимости, указывает на применение растения в медицине.

Кроме того, *биле* «в народните поверия – растение с магическо действие» [16, с. 592].

Следует отметить, что издавна ароматные растения применялись не только в медицине, но и в календарных обрядах, например в Гергьовден (6 мая), отмечаемый в период расцвета весны, когда зелень и вода щедро дарят здоровье и плодородие, в праздник, который «по-личен и от Великден» (Стойнев 2006). Рано на Гергьовден здоровые и больные купались в утренней росе, пили воду, умывались водой, в которую предварительно клали *маторку* (русс. мелиссу лекарственную) и здравец (русс. герань) [4, с. 687], свежей зеленью украшали двери, пороги дома и хлева. Совершая магические действия болгары верили, «че зелената растителност и водата имат силата да дават здраве и плодovitост» [6, с. 75].

Кроме того, мелиссу лекарственную использовали и при гаданиях. По-видимому, наименование растения *орисчец* [14, с. 262] образовано от глагола *орисвам* со значением «предричам, определям бъдещето» [7, с. 578]. Известно, что в Родопах, в день Ивана Купала (болг. Еньовден) (24 июня/7 июля) букетик душистых растений использовали для «квасене китки», т.е. для гадания [18, с. 492].

Как показывают материалы исследования, номинативные ряды для обозначения эфирномасличного травянистого растения *мелисса лекарственная* (болг. *маточина*) представляют собой неоднородную структуру, в которой языковое выражение получили ономаσιологические признаки, представленные на Рис. 1.

Итак, следует отметить, что глубокое и многоаспектное изучение научной и специальной литературы и собственные наблюдения дали возможность выявить определяющие признаки и продуктивные способы выражения данной номинации, создать модели номинативных рядов в русском и болгарском языках и заключить, что в ряду изучаемых наименований для обозначения *мелиссы лекарственной* (болг. *маточина*) к значимым в русском языке относится один из специфических признаков – аромат эфирномасличного растения и функциональные признаки (использование в медицине и пчеловодстве), а в болгарском языке – в основном функциональные признаки (использование в пчеловодстве,

Рис. 1. Обобщенные ономаσιологические признаки *мелиссы лекарственной* (болг. *маточина*) в русском и болгарском языках

народной обрядности и гаданиях). Кроме того, следует указать, что при формировании наименований в большинстве случаев реализуется отношение подобия, т.е. наиболее продуктивным можно считать опосредованный способ номинации, а менее продуктивным - иноязычное заимствование. Так, в ряде номинаций русского и болгарского языков наблюдается метафорический перенос не только на основе «специфического признака» (русск. лимонная трава),

применения в обрядовых действиях, в гадании (болг. маторка, орисчец), в методах ведения пчеловодства (русск. мятушник; болг. кошерджийска трева) и учете медоносных качеств растения (русск. медовка; болг. пчелек), но и целительных свойств Melissa лекарственной (русск. матка, маточник), которая используется при различных патологиях в народной медицине.

Библиографический список

1. Ангелова, Г.В. Номинация ароматного растения душица обыкновенная (*Origanum vulgare* L.) в русском и болгарском языках // Съпоставително езиковедие. София: Университетско издателство „Св. Климент Охридски“, 2016, №1.
2. Анненков Н.И. Ботанический словарь. С.-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1876.
3. Български етимологичен речник / Съставители: В.И. Георгиев и др. Т. I. София: БАН, 1971.
4. Български етимологичен речник / Съставители В.И. Георгиев и др. Т.Ш. София: БАН, 1986.
5. Български етимологичен речник /Автори: В. Анастасов и др. Т. VI. София: Проф. Марин Дринов, 2002.
6. Българска митология. Енциклопедичен речник / Съставител А. Стойнев. София: Захарий Стоянов, 2006. – 367 с.
7. Български тълковен речник 2008 - Български тълковен речник /Автори: Л. Андрейчин и др. София: Наука и изкуство, 2008.
8. Власова М. Энциклопедия русских суеверий. С.-Петербург: Азбука-классика, 2008. - 622 с.
9. Георгиева И. Българска народна митология. София: Наука и изкуство, 1983. – 259 с.
10. Гислън М., Палаци, Р. Енциклопедичен речник на античната митология и класическата древност. София: Колибри, 2005. – 462 с.
11. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
12. Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
13. Димитрова Л. Речник на названията на лечебните растения. София: Медицина и физкултура, 1987. – 174 с.

14. Ланджев И. Енциклопедия на лечебните растения в България. София: Труд, 2010. – 551 с.
15. Мазнев Н.И. Основные лекарственные растения. Справочное издание. Москва: Лада, 2006. – 1055 с.
16. Речник на българския език 1977 – Речник на българския език / Гл. редактор К. Чолакова. Т. I. София: БАН, 1977.
17. Розенталь Д.Э., Голуб, И.Б., Таленкова, М.А. Современный русский язык. Москва: Айрис-пресс, 2004. - 446 с.
18. Славянские древности. Этнолингвистический словарь 1999 - Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И.Толстого. Т. II. Москва: Международные отношения, 1999.
19. Словарь русского языка 1981 - Словарь русского языка. Под редакцией А.П. Евгеньевой. Том I. Москва: Русский язык, 1981.
20. Словарь русского языка XII-XVII вв. 1988 - Словарь русского языка XII-XVII вв. Главный редактор Д.Н. Шмелев. Выпуск 14. Москва: Наука, 1988.
21. Толково-энциклопедический словарь 2006 - Толково-энциклопедический словарь / Автор научной концепции и руководитель проекта С.М. Снарская. С.-Петербург: Норинт, 2006.
22. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.II. Москва: Прогресс, 1967.
23. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Радянська школа, 1970.
24. Τεγόπουλος-Φυτράκης 1995 - Τεγόπουλος-Φυτράκης, Ελληνικό λεξικό. Αθήνα, 1995.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Коростова Светлана Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент
Федеральное государственное
учреждение высшего
профессионального образования
«Южный федеральный университет»
Россия, г. Ростов-на-Дону
e-mail: svetolen@yandex.ru

Korostova Svetlana Vladimirovna
Associate Professor, Ph.D.
Southern Federal University
Russia, Rostov-on-Don
e-mail: svetolen@yandex.ru

С.В. Коростова

ЭМОТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Аннотация. Статья посвящена исследованию эмоциональной составляющей текста русской классической литературы. Интерпретация художественного текста в процессе литературной коммуникации предполагает определенный уровень эмоциональной компетенции и знание способов выражения эмотивно-оценочных смыслов. Эмотивная составляющая перволичного повествования рассматривается в статье с позиции этнокультурной специфики коммуникации. Выявляются особенности функционирования эмотивно-оценочных языковых средств в прозе М.Ю. Лермонтова, а также специфика выражения эмоциональных состояний повествователя и персонажей, структурирующих эмоциональное пространство нарратива.

Ключевые слова: эмотивно-оценочные смыслы, художественная коммуникация, перволичное повествование, эмотивная оценка

S.V. Korostova

EMOTIVE CONSTITUENT OF LITERARY COMMUNICATION IN THE CLASSICAL RUSSIAN PROSE

Abstract. The article researches the emotional constituent of the text of classical Russian literature. Interpretation of a text of fiction in the process of literary communication demands a certain level of emotional competence and the knowledge of means necessary to express emotive-evaluative meanings. Emotive constituent of the first-person narration is analyzed in the article with regards to the ethnic and cultural specifics of communication. The peculiarities of functioning of emotive-evaluative linguistic means in the prose of M.U. Lermontov are determined, as well as the specifics

of expressing emotional conditions of the narrator and the characters, which are structuring the emotional space of the narrative.

Keywords: emotive-evaluative meanings, literary communication, first-person narration, emotive evaluation

Художественный текст – это многомерный комплекс языковых элементов, которые взаимодействуют между собой, создавая сложную систему коммуникативных уровней. В этой упорядоченной системе эмоциональный уровень находит свое специфическое выражение в авторском субъективно-модальном плане и в сфере не-автора (рассказчика, псевдоавтора, персонажа).

Литературная (художественная) коммуникация представляет собой один из совершенных и гармоничных типов общения: она позволяет человеку, вступившему посредством художественного текста в контакт с другим человеком, приобрести интеллектуальный, жизненный, эмоциональный опыт. Нельзя не согласиться с Е.А. Поповой, что «в художественной коммуникации отсутствует единство хронотопа, поэтому художественный текст, благодаря своей способности преодолевать века и пространства, обеспечивает существование человеческой культуры и в конечном счете человечества» [2, с. 4].

История русской литературы знает несколько типов повествования, среди которых повествование от 1-го лица, или перволичный нарратив, становится основным в литературе XVIII века и в первой половине XIX. Персонифицированный повествователь-рассказчик принадлежит миру текста, распоряжается содержательно-фактуальной информацией, тогда как автор – содержательно-концептуальной. Это предопределяет характер речевой организации художественного текста и специфику его эмоциональной составляющей.

Эмоционально-оценочные переживания повествователя в перволичном нарративе, как правило, эксплицированы, представлена своего рода имитация непосредственного восприятия внутреннего оцениваемого мира. Оценивая другого, персонажа, повествователь/рассказчик ориентируется прежде всего на внешние черты, делая свои умозаключения о его внутреннем мире, характере. Однако сама оценка другого чаще является интеллектуализованной,

поскольку она всегда относится к плану прошлого, а воспоминания в той или иной степени нейтрализуют эмотивность, если они не включены в чужую речь, а являются достоянием повествователя. Например, повествователь в первой части романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» («Бэла»), эмоционально сдержан, открыто заявляет о своей беспристрастности, вступая в диалог с читателями: *«Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы?»* Вводя риторический вопрос, повествователь стимулирует интерес возможного собеседника, поддерживает интригу, но при этом показывает, что сам вовлечен в нее, таким способом убеждая в объективности и достоверности излагаемых событий. Повествователь предстает в перволичном нарративе как свидетель или участник событий прошлого. Это одна из важнейших особенностей повествования от 1-го лица, так называемая «презумпция автобиографизма» (термин Е.А. Поповой). Как замечает известный исследователь русского классического повествования Е.А. Попова, «для повествования от 1-го лица характерен не повествователь-творец, а повествователь-человек, который рассказывает или свою собственную историю, или чужую историю, которую он сам наблюдал или о которой слышал. Поэтому «внутренний человек» в перволичном нарративе один: сам повествователь-рассказчик. Другими словами, повествователь в I ф. прагматически мотивированный, его точка зрения является внутренней по отношению к себе и внешней по отношению к остальным действующим лицам» [2, с.119].

Смысл текста генетически связан с эмоционально-оценочными переживаниями, которые формируют в художественном повествовании от 1-го лица отношение автора и читателя к внутреннему и внешнему миру. Создатель художественного текста оценивает в процессе вербализации замысла свое собственное переживание как приятное или неприятное и эмотивную ситуацию как хорошую или плохую для самого себя и для погруженного в нее повествователя, рассказчика или героя, так как автор является наблюдателем и над самим собой, и над репрезентируемым и воплощаемым в художественном тексте миром.

Коммуникативная ситуация воспоминания определяет расслоение «я»-повествователя на «я-сейчас» и «я-тогда». Например: *Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии (план прошлого). Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел (план настоящего).* Самоирония повествователя способствует диалогизации текста, пробуждает у читателя интерес к личности путешественника: с точки зрения коллективного сознания, человек, который может пошутить над собой, вызывает доверие. Последняя фраза представляет собой своеобразное контактоустанавливающее средство, имплицитно передает иронический эмотивно-оценочный смысл: *<ничего особенно ценного для читателя в моих путевых записках не было, хотя я и жалею об их потере, но чемодан с остальными вещами гораздо ценнее>*. В ходе восприятия текста романа читатель убеждается в том, что под «остальными вещами» повествователь имел в виду и журнал Печорина, попавший к нему случайно.

Следует заметить, что в романе «Герой нашего времени» расслоение не ограничивается временными рамками, но затрагивает также и процесс авторизации в целом: автора-повествователя «сменяет» рассказчик Максим Максимыч (хотя и здесь процесс «отстранения» автора формален), затем сам Герой, Григорий Александрович Печорин. Три ипостаси категории «образ автора» объединены в едином прагматическом мотиве: обнаружить страсти, чувства, эмоции в себе и в других, искать свободное их проявление. Именно поэтому в повести «Бэла» повествователь так нетерпелив, вступая в диалог с Максим Максимычем: *«Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историйку – желание свойственное всем путешествующим и записывающим людям»*. Повествователь пытается скрыть свое «желание», более того, фокус внимания концентрируется вокруг другого, о себе же он практически ничего не сообщает:

- *А вы давно здесь служите?*

- *Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче (Ермолове), - отвечал он, приосанившись. – Когда он приехал на Линию, я был*

подпоручиком, - прибавил он, - и при нем получил два чина за дела против горцев.

*- А теперь **вы**?*

*- Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А **вы**, смею спросить?*

***Я** сказал ему.*

*Разговор этим кончился, и **мы** продолжали молча идти друг подле друга...*

Местоименные формы, ядерные компоненты категории персональности, как и формы настоящего исторического глагола приближают план прошлого к событию настоящего. Характерно, что повествователь скрыт от читателя, но открыт для собеседника, что определяется прагматикой диалога и стратегией межличностного общения – чтобы вызвать доверие и добиться своей цели, необходимо не только заинтересованно задавать вопросы, но откровенно отвечать на реплики собеседника. Актуализация коммуникативной линии «повествователь – персонаж» на время как будто бы исключает непосредственный диалог с читателем, объективирует повествование, перемещая фокус восприятия в прошлое. Однако повествователь «я-сейчас» раскрывает себя в комментариях к событиям «тогда» не только как заинтересованный наблюдатель, равнодушный к чужой судьбе, но и как психолог, знаток человеческих характеров, много испытавший на своем жизненном пути: «...Он отхлебнул и сказал как будто про себя: «Да, бывало!» Это восклицание подало мне большие надежды. *Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удается: другой лет пять стоит где-нибудь в захолустье с ротой, и целые пять лет ему никто не скажет «здравствуйте» (потому что фельдфебель говорит «здравия желаю»).* А поболтать было о чем: кругом народ дикий, любопытный, каждый день опасность, случаи бывают чудные, и тут поневоле пожалеешь о том, что у нас так мало записывают.

Когнитивные процессы, определяющие особенности личности повествователя и эмотивно-оценочные смыслы самого повествования, имплицитно представлены именно в авторских комментариях к чужой речи, к поведению другого. Знание о том, что

алкоголь «развязывает язык», повествователь использует в своих целях, однако известие о том, что Максим Максимыч «дал себе заклятье» не пить, повергает его в уныние (см. *«Услышав это, я почти потерял надежду»*). Стимулируя собеседника продолжить рассказ, повествователь постоянно вводит реплики-вопросы, одновременно эмоционально эксплицируя свою позицию наблюдателя в авторских ремарках: «воскликнул я с видом любопытства», «воскликнул я невольно. В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!..», «Внимание мое пробудилось снова», «сказал я, чтобы вызвать мнение моего собеседника». Оценивая собеседника, повествователь-психолог делает вывод, в котором частично признается в том, что многие эпизоды рассказа Максима Максимыча представлены с точки зрения самого автора-повествователя. Именно поэтому потребовалось своеобразное объяснение таких романтических вставок : *«...в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге»*. Модальный план повествователя обнаруживается и в речи Максима Максимыча, человека простого, рассказывающего в грубовато-шутливой манере о традициях горцев. В его рассказе вдруг появляется психологическая оценка внешнего и внутреннего состояния других лиц (Бэлы, Печорина) и романтические описания природы Кавказа, явно принадлежащие «восторженному рассказчику», повествователю: *«И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали к вам в душу. Печорин в задумчивости не сводил с нее глаз...»*, *«Ночь уже ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям»*. Эмотивно-оценочный смысл рассказа Максима Максимыча о горцах не отличался такой глубиной и проникновенностью, он был прост и безыскусен, в нем преобладала просторечная негативная оценочная лексика («девки», «оборвыш», «хромая лошаденка», «по-ихнему»), отсутствовали средства лексической образности. Очевидно, модальный, эмотивно-оценочный план персонажа-рассказчика противопоставлен плану повествователя.

Эмотивно-оценочные смыслы, извлекаемые из рассказа персонажа, лежат на поверхности, они элиминированы, явно выражено негативное отношение к Казбичу и восторженное чувство удивления, восхищения его физической силой: «...правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... **А уж ловок-то, ловок-то был, как бес!**»). Действительно, анализируя повествование от 1-го лица, можно заметить, что высказывания-мелиоративы типичны, когда речь идет о другом, и совершенно не характерны, когда повествователь или рассказчик оценивают себя. Причем, даже негативная оценка другого может быть нейтрализована за счет эмотивной реакции на ситуацию, связанную с проявлением каких-либо качеств, которые с точки зрения коллективного сознания аномативны, а значит неожиданны.

Эмотивная оценка, как и сама категория эмотивности, отсылает нас к области коммуникативной семантики и когнитивной лингвистики, так как большинство языковых единиц приобретает способность выражать эмоции лишь в речи, обладая в системе языка лишь потенциальной эмотивностью. Эмотивный компонент коннотации или закрепляется в системе языка, или носит окказиональный, потенциальный характер и проявляется только в речи. Однако между названными типами коннотативных компонентов семантики языковой единицы нет непроходимой границы, как нет ее между языком и речью. Например, лексический повтор как средство художественной образности выполняет экспрессивную функцию как в речи, дискурсе, так и в тексте. В речи персонажа повтор актуализирует эмотивную функцию высказывания, выражая эмоциональное состояние восхищения, удивления поведению другого: «**А уж ловок-то, ловок-то был, как бес!**». В этом случае лексическое средство выражения категории экспрессивности одновременно является и способом актуализации эмотивности и интенсивности высказывания. Причем интенсификация осуществляется и за счет использования частиц (*уж, -то*), и за счет устойчивого сравнения, которое обычно употребляется, когда дается позитивная оценка и речь идет «о живом, ловком, задорном человеке» [3, с. 41].

Проза Лермонтова перенасыщена экспрессией, что определяется отчасти принадлежностью романтической культурной парадигме, формирующей своеобразие стиля, требующей экспрессивных языковых средств. Практически не существует текстов, в которых автор не проявился бы как романтик, и роман «Герой нашего времени» не является исключением. Даже в оценке ситуации прошлого повествователь не скрывает своего разочарования в жизни, что так характерно и для самого автора, каким он открывается нам в своих произведениях и в воспоминаниях современников: «Когда я ему заметил, что он мог бы побеспокоиться в пользу хотя моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он отвечал мне: «И, барин! Бог даст, не хуже их доедем: ведь нам не впервые», - и он был прав: *мы точно могли бы не доехать, однако ж все-таки доехали, и если б все люди побольше рассуждали, то убедились бы, что жизнь не стоит того, чтоб об ней так много заботиться...*» (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени. Бэла).

Однако и в приведенном отрывке текста самооценка повествователя так же насыщена иронией, как и в самом начале путевых записок, что связано со знанием ожиданий читателя, привыкшего к романтическим сюжетам, и желанием автора выразить свое отношение к так называемому «шаблонному», поверхностному романтизму. Романтические восклицания по поводу описания природы вызывают скрытую усмешку у всезнающего и много испытавшего в своей жизни повествователя, эта ирония автора по большей части обращена к читателю-интерпретатору, ожидающему романтики: «Итак, мы спустились с Гуд-горы в Чертову долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами, - *не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова «черта», а не «черт», ибо здесь когда-то была граница Грузии.* Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратов, Тамбов и прочие *милые* места нашего отечества». Выделенное курсивом слово много значит для писателя, долгое время жившего в средней полосе России. Причем и в этом авторском комментарии не обошлось без иронии. Очевидна аллюзия с известной поэмой М.Ю.

Лермонтова «Тамбовская казначейша», в которой дана оригинальная характеристика Тамбова, типичного губернского города 30-х годов XIX века.

Известно, что эмоции поддаются четкой классификации только по оценочному признаку «хорошо – плохо». Поскольку в психике человека отрицательные эмоции преобладают, так как являются жизненно важными, постольку и негативные эмотивно-оценочные смыслы в макротексте доминируют, особенно когда процесс оценки реализован непосредственно от 1 лица. «В художественном тексте повествование от первого лица, - замечает Г.Ф. Гаврилова, - несет в себе аспект достоверности, создавая впечатление непосредственного присутствия автора в описываемой ситуации. Субъективно-речевой тип характеристики вносит в произведение лиризм как следствие скрытого автобиографизма. Этот прием наиболее достоверной передачи того, что представляет собой ненаблюдаемую со стороны данность – психическое состояние повествователя. Передавая же повествование 3-му лицу – персонажу, автор вынужден лишь приблизительно имитировать те мысли и чувства, которые он приписывает персонажу. При повествовании от первого лица, автор как бы впускает читателя в свой внутренний виртуальный мир, в свое собственное «я»» [1, с. 59].

Перволичное повествование организовано точкой зрения автора-повествователя, который является не сторонним наблюдателем событий, но их участником. Как таковой, он не может не реагировать на происходящее, выражая свою эмоциональную оценку героев, их поведения, трансформируя свой субъективный план в зависимости от характера исходного говорящего. Авторский эмоциональный план во многом совпадает с планом повествователя, что мы наблюдаем в романе М.Ю. Лермонтова. Особенно явно это совпадение, когда в тексте выражается чувство тоски по северной родине, жалость к себе, своему состоянию несвободы. Например, в прямой речи, передающей внутреннюю речь повествователя-романтика: *«Нам должно было спускаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная; только ее дикие напевы*

были печальнее, заунывнее. «И ты, изгнанница, - думал я, - плачешь о своих широких, раздольных степях! Там есть где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки».

Перед нами человек, не чуждый поэтическому творчеству, о чем свидетельствуют типичные средства выражения категории экспрессивности: эпитеты и сравнения (*родимая, дикие, широких, раздольный, душно и тесно; как орлу и т.п.*), развернутый метафорический образ метели, причем используется и антропоморфная (метель *плачет*, ее *напевы*), и зооморфная метафора (уподобление метели орлу). По сути представленный фрагмент текста – это ритмизированная проза (см. инверсии, обращения, контекстные антонимы и другие синтаксические средства создания экспрессии), близкая поэтической речи, которая обладает экспрессивностью уже за счет уменьшения дискурсивного пространства, ограниченного рамками строфы, но вмещающего большой смысловой объем.

Ассоциативные связи представленного эпизода повести «Бэла» с поэтическими творениями Лермонтова не случайны: интерпретация эмотивно-оценочных смыслов, связанных с темой «*милых сердцу*» повествователя мест (в частности, топонима *Тамбов*), неизбежно приводит к тексту поэмы «Тамбовская казначейша», где в лирических отступлениях автор предстает тоскующим, разочарованным и уставшим от жизни, не верящим в избавление от несвободы:

*... Сковала душу мне усталость,
А сожаление день и ночь
Твердит о прошлом. Чем помочь?
Назад не возвратят усилия.
Так в клетке молодой орел,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не подьмет крылья –
Кровавой пищи не клюет,*

Сидит, молчит и смерти ждет...(М.Ю. Лермонтов.
Тамбовская казначейша, гл. XLI)

Эмотивно-оценочные негативные смыслы актуализируются в тексте романа за счет средств выражения концепта «голос» (см. *метель гудела, дикие напевы, плачешь, с криком* и т.д.). В поэтическом тексте эта сема нейтрализована (см. *сидит, молчит и смерти ждет*). В процессе реализации в прозе базовой семы «голос», «звук» семантическая структура макротекста становится более динамичной, усиливается одна из важных для писателя тем – поиски смысла жизни, пути к свободе (именно поэтому так важен ассоциативный ряд «метель – орел – клетка – несвобода», хотя в фольклорной традиции и в обыденном языковом сознании *метель* – символ свободы, как и парящий в небе *орел*).

Анализ ассоциативных связей в процессе выявления эмотивно-оценочных смыслов перволичного нарратива подтверждает положение, выдвинутое К.Э. Штайн, о том, что смысловая гармонизация художественного текста включает главные параметры – гармоническую горизонталь, вертикаль и глубину, которые позволяют рассматривать не только поэтический, но и прозаический текст как открытую нелинейную среду, относительно структурно закрытую и семантически открытую, причем постижение явлений этой среды возможно множеством способов. Одним из таких способов является широкий функциональный анализ, «способствующий выявлению структурных, семантических, эстетических функций языковых и неязыковых единиц поэтического текста» [4, с. 24]. К таким неязыковым слоям относится эмоционально-интеллектуальная интерпретация значений и смыслов художественного текста воспринимающим индивидуальным сознанием. Проекция смысла в процессе познания «несказанного», но эмотивно воспринимаемого фрагмента художественного текста актуализирует те эмотивно-оценочные когнитивные слои, которые являются элементами национально-ментальной концептуальной картины мира говорящих на русском языке.

Библиографический список

1. Гаврилова Г.Ф. Синтаксис предложения. Избранные труды. – Ростов н/Д: Изд-во РГПУ, 2005.- 168 с.

2. Попова Е.А. Коммуникативные аспекты традиционного повествования русской классической литературы. В 2 частях. Ч. 1. – Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2007.– 212 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, М., 1999.
4. Штайн К.Э. Гармония поэтического текста. Монография / Под редакцией доктора филологических наук, профессора В.В. Бабайцевой. – Ставрополь: Издательство СГУ, 2006.– 646 с.

Кононова Наталья Викторовна
доктор филологии, пресс-секретарь
Общество Славянской культуры
«Гармонь»
Консультант по литературе
Музыкальная школа «Лира»
Латвия, г. Рига
e-mail: nkononova@inbox.lv

Kononova Natalia Victorovna
Ph.D., press secretary
The society of Slavic culture «Garmon»
Consultant in Literature
Music School «Lira»
Latvia, Riga
e-mail: nkononova@inbox.lv

Н.В. Кононова
**«КАНАРЕЙКА» АЛЕКСАНДРА АРКАДЬЕВИЧА ГАЛИЧА В
АСПЕКТЕ «ПУШКИНСКИХ ЗВУКОВ» В ТВОРЧЕСТВЕ
ПОЭТА**

Аннотация. Данная статья посвящена «пушкинским звукам» в творчестве А.А. Галича, поскольку А.С. Пушкин занимал особое место в художественном сознании А.А. Галича. Целью статьи является выявление упоминаний имени А.С. Пушкина и приводимых пушкинских цитат в поэзии А.А. Галича. В статье актуализируется интерпретация стихотворения поэта «Канарейка», имплицитно связанного с именем А.С. Пушкина. В указанном аспекте данный текст исследователями творчества А.А. Галича не рассматривался.

Ключевые слова: Пушкин, Галич, фольклор, канарейка, гармония, абсурд, трагизм, традиция, гимн Советского Союза

N. V. Kononova
**«CANARY» ALEKSANDER A. GALICH IN THE ASPECT OF
«PUSHKIN SOUNDS» IN THE POET**

Abstract. This article deals with «pushkin sounds» in the works of Alexander A. Galich as Alexander S. Pushkin had a special place in the artistic consciousness of

Alexander A. Galich. The aim of the article is to identify the references named after Alexander S. Pushkin and Alexander S. Pushkin quotations cited in poetry Alexander A. Galich. This article updated «Canary» interpretation of the poet, implicitly associated with the name of Alexander S. Pushkin. In this respect, the text scholar Alexander A. Galich was not considered.

Keywords: Alexander S. Pushkin, Alexander A. Galich, folklore, canary, harmony, absurdity, tragedy, tradition, hymn of Soviet Union

Пушкинское творчество, как и личность А. С. Пушкина, притягивали к себе внимание А. А. Галича.

И это отнюдь не случайно. Как известно, А. А. Галич был племянником профессора Московского университета, известного пушкиниста Льва Самойловича Гинзбурга, кабинет которого был завешан портретами А. С. Пушкина.

Пушкин вошёл в жизнь Галича ещё в детстве со своими сказками .

Гораздо позже, незадолго до смерти, выступая на радио «Свобода», А. А. Галич произнёс: *«Помните, когда мы впервые прочли сказку «О царе Салтане», не знаю, как Вас, а меня, ещё мальчика маленького, вдруг ударило в самое сердце, когда я услышал такие слова: «Ты волна моя, волна, ты гульлива и вольна»* [6, с. 149].

Также достоверно известно со слов брата Александра Галича – Валерия Аркадьевича, что в доме, в котором поселилась семья Галича – Гинзбургов после переезда из Севастополя в Москву в 1923 году, в Кривоколенном переулке, доме номер 4, который сто с лишним лет тому назад принадлежал семье поэта Дмитрия Веневитинова, осенью 1826 года во время короткого наезда в Москву, Александр Сергеевич Пушкин читал здесь друзьям свою только что законченную, ещё не опубликованную, трагедию «Борис Годунов». В зале, где проходило чтение и жила семья Галича, Пушкин читал также песни о Степане Разине и недавно написанное добавление к «Руслану и Людмиле» - «У Лукоморья дуб зелёный»¹.

Дата рождения поэта А.А. Галича тоже символична: 19 октября (День Лицея).

Галичем звали и учителя словесности в пушкинском Лицее.

¹ См.: Галич Александр Аркадьевич: <http://www.bard.ru/galich/> [06.02.2016].

На фестивале песенной поэзии в новосибирском Академгородке «Бард-68!» в марте 1968 года А. А. Галич получил приз – Серебряную копию пера Пушкина, почётную грамоту Сибирского отделения Академии наук СССР, в которой было написано: *«Мы восхищаемся не только Вашим талантом, но и Вашим мужеством»*².

. Эпиграфом к своей статье «О жестокости и доброте искусства» для газеты «Советская культура» Александр Галич взял четвёртую строфу «Памятника» А.С. Пушкина: *«И долго буду тем любезен я народу...»* [3, с. 385].

В статье А. А. Галич призывал помнить, *«чем полагал Пушкин остаться любезным народной памяти, тем, что возбуждал добрые чувства, прославлял свободу и призывал к милосердию»* [6, с. 148].

Александр Галич собственным творчеством подтвердил верность этому пушкинскому завету.

«В этих великих пушкинских строках, - пишет Галич, - одновременно коротко и с исчерпывающей полнотой изложены задачи и назначение искусства. Это не только констатация – это завет» [6, с. 148].

Эпиграфами к стихотворению «Опыт ностальгии», что опять-таки не случайно, взяты строки из произведений поэтов драматической судьбы: А. Ахматовой, Б. Пастернака и фрагменты из записи В.А. Жуковского со слов секунданта А.С. Пушкина – Данзаса:

«...Когда переезжали через Неву, Пушкин шутливо спросил:

- Уж не в крепость ли ты меня везёшь?

-Нет, - ответил Данзас, - просто через крепость на Чёрную речку самая близкая дорога!» [2, с. 430].

Поэт перечисляет все мерзости, оставленные на Родине, отказывается грустить по русским берёзкам, и только с единственной святыней разрыв невыносим: это – метафорично - с «Чёрной речкой»:

«Но есть ещё Чёрная речка,

Об этом не надо.

Молчи!» [2, с. 433].

² Там же.

В творчестве А.А. Галича огромное количество упоминаний имени А.С. Пушкина и приводимых пушкинских цитат. Я лишь перечислю некоторые из них.

Отдельные строки А.А. Галича аллюзивно связаны с пушкинскими. К примеру, в стихотворении 1972 года «Песенка-молитва, которую надо прочесть перед самым отлётом», строка:

*«Ещё очистительная гроза
Подарит нам правды свет!
Да будет так!
И открой глаза:
Моя – на ладони твоей – слеза,
Но нет меня рядом, нет!»* [2, с. 363]

корреспондирует с пушкинскими строками: *«Редееет облаков летучая гряда!»* [Пушкин 1974: 124].

То, что во времена А.С. Пушкина называлось самовластьем, потом обернулось сталинизмом. Поэт А. А. Галич верил, что *«облака поредеют»*.

В стихотворении «Песня Исхода» также явен эффект пребывания автора в культуре предшественников, о чём свидетельствует литературная, ассоциативная связь с пушкинской «Пиковой дамой», связь с «массовой памятью» литературно-оперного текста, с «опрощением» высокой культуры:

*«Разыграешься только – только,
А уже из колоды прыг –
Не семёрка, не туз, не тройка,
Окаянная дама пик!»* [2, с. 358]

Эпиграфом к стихотворению «Песня о Тбилиси» А. А. Галич избрал пушкинскую строку «На холмах Грузии лежит ночная мгла». Тональность стиха Галича контрастирует с пушкинской. Если у Пушкина – гармония: «печаль моя светла», то у Галича – ощущение трагизма, его «рассвет» в стихотворении наполнен символическим смыслом: рассвет корреспондирует с тьмой и безнадежностью:

*«И топчут каблуками тишину,
И женщины не спят и плачут дети,
Грохочут сапоги на всю страну»* <...>
«Всё в мёрзлый камень памятью одето.

Всё как удар ножом из-за угла.

«На холмах Грузии лежит ночная мгла»

И так ещё далёко до рассвета» [2, с. 284].

Эпиграфом к стихотворению «Памяти Живаго» А.А. Галич вновь избрал строки из произведения А.С. Пушкина, «Путешествие в Арзрум»:

«Два вола, впряжённые в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» - спросил я их. «Из Тегерана». – «Что вы везёте?» - «Грибоеда». А. Пушкин. Путешествие в Арзрум [2, с. 354].

«Повозки с кроваткой поклажей корреспондируют с арбой, встреченной Пушкиным.

И эти примеры использования пушкинских строк в поэзии А.А. Галича можно множить.

Стихотворение А. А. Галича «Канарейка» тоже имплицитно связано с именем А.С. Пушкина. В этом аспекте данный текст исследователями творчества А.А. Галича не рассматривался. Существуют два варианта стихотворения А.А. Галича «Канарейка»:

*«Кто разводит безгласных рыбок,
Кто, забавник, свистит в свирельку,-
А я поеду на птичий рынок
И куплю себе канарейку.
Все полста отвалю, не гривну,
Принесу её, суку, на дом,
Обучу канарейку гимну,
Благо, слов никаких не надо!
Соловей, соловей, пташечка,
Канареечка жалобно поёт!
Канареечка, канарейка,
Птица малая, вроде мухи.
А кому судьба – карамелька,
А кому она – одни мухи.
Не в Сарануле и не в Жиздре-
Жил в Москве я, в столице мира,
А что видел я в этой жизни,
Окромя верёвки да мыла?»*

Соловей, соловей, пташечка,
 Канареечка жалобно поёт!
 Ну, сносил я с полсотни тапок,
 Был загубленным, был спасённым...
 А мне, глупому, лучше б в табор,
 Лошадей воровать по сёлам.
 Прохиндей, шарлатан, провидец –
 И в весёлый час под забором
 Я на головы всех правительств
 Положил бы тогда с прибором!
 Соловей, соловей, пташечка,
 Канареечка жалобно поёт!»
 1967? [2, с. 197].

Николай Богомолов в своей книге «От Пушкина до Кибирова» цитирует стихотворение А.А. Галича «Канарейка», считая приводимый текст не самым удачным, но достаточно острым, «даже не попавшим по вполне очевидной причине в недавние российские книги» [1, с. 428]:

«Кто безгласных разводит рыбок,
 Кто – скупец – бережёт копейку,
 А я поеду на птичий рынок
 И куплю себе канарейку.
 Все полста отвалю, не гривну,
 Привезу, её, кроху, на дом.
 Обучу канарейку гимну,
 Благо, слов никаких не надо!
 Соловей, соловей, пташечка,
 Канареечка жалобно свистит:

- *Союз нерушимый республик свободных...*» [1, с. 428].

«Союз нерушимый республик свободных» включён в авторский текст, - пишет Н. Богомолов, - в переработанном для свободной печати варианте этой песни» [1, с.428].

Имплицитно, канарейка А.А. Галича так или иначе связана с именем А.С. Пушкина.

С раннего детства, как пишет А. Разуваев, - А.С. Пушкина везде окружали пернатые певцы. Как писали очевидцы, мир птиц

села Михайловского был безграничен. <...> В светлице его няни постоянно водились чижи и канарейки, <...>, а около дома – голуби. У самого А.С. Пушкина в комнатах Михайловского тоже пели живые птицы – чижи, щеглы и канарейки. Мир птиц в течение всей жизни был великим утешителем и целителем для поэта, помогал ему справляться с тяготами своей судьбы. Правда, А.С. Пушкин в своём творчестве ни разу не упомянул многих здешних пичуг, которые всегда были у него на глазах. Однако в словаре А.С. Пушкина, по исследованию, проведённому А. Разуваевым,³ мы встречаем среди названий многих птиц и голубя, иволгу, соловья, канарейку.

Среди дворян и мещан считалось, что «кенарь – это лучший подарок».

Также интересен факт, связанный с именем А. С. Пушкина: Полотняный завод, находящийся в Дзержинском районе Калужской области – особое историческое место в развитии канароводства в России. В Полотняном заводе велась канареечная охота. Здесь была основана в 1718 году указом Петра Первого одна из первых полотняных фабрик России. Главным владельцем предприятия вскоре после его основания стал Афанасий Абрамович Гончаров – предок Натальи Николаевны Гончаровой, жены Александра Пушкина.

В народе канареечный промысел или «канареечную охоту» называли «изящной».

Впервые А.С. Пушкин посетил Полотняный Завод в конце мая 1830 года. Второй раз Пушкин был у Гончаровых в 1834 году. В богатой библиотеке Гончаровых он работал над историей Петра Первого. <...> Надворному Советнику Дмитрию Келеру А.С. Пушкин сетовал, что его работа годится только на подстилку в клетку канарейки. Так оно и случилось. Исписанными пушкинскими листами была устлана клетка с канарейками...

Пение канареек Полотняного Завода отличалось своей мелодичностью .

Исторические и политические потрясения XX века нанесли невосполнимый урон разведению канареек в Полотняном Заводе.

³ См.: Разуваев А. Истории канарейки в России. Новая книга ФПРК, 2011. forum.rus-canary.ru/index.php?topic=16.0 [13.10. 2011].

Окончательное увядание произошло в 20-30-ые годы XX века. Вместе с разрушением и осквернением святых для всех русских идеалов произошло изгнание и единственных птиц канареек, как атрибутов «мещанства». С окончанием многовекового исторического периода правления дома Романовых закончился самый значимый и продуктивный период развития канароводства в России, оставивший нам в наследство русскую певчую канарейку, контрастирующую по своему назначению у А.А. Галича. Вместо гармонии пения, помогающей исцелению души, несущей утешение, вместо мелодичного пения канарейки в пушкинские времена, канарейка из текста А.А. Галича, корреспондируя со своим абсурдным и по-своему трагическим временем, в остром стихотворении с одноименным названием *«жалобно поёт»*, *«жалобно свистит»* Гимн Советского Союза.

Таким образом, в стихотворении-песне А. А. Галича «Канарейка» ирония и сарказм переходят в издёвку над Гимном страны.

Таким образом, как мы видим, явна актуализация «пушкинского звука» в поэзии А.А. Галича, «пушкинских обертонов» в его стихотворении «Канарейка».

Библиографический список

1. Богомолов Н.А. Высоцкий – Галич – Пушкин, далее везде // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. Москва: «Новое литературное обозрение», 2004. - 624 с.
2. Галич А.А. Песня об Отчем доме. Москва: «Локид – Пресс», 2003. - 544 с.
3. Пушкин А.С. Я памятник себе воздвиг нерукотворный // Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Том второй. Москва: «Художественная литература», 1974. - 686 с.
4. Пушкин А.С. Редет облаков летучая гряда...// Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Том первый. Москва: «Художественная литература», 1974. - 744 с.
5. Пушкин А.С. Опровержение на критики // Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Том седьмой. Ленинград: «Наука», 1978. - 430 с.
6. Фризман Л.Г. «На фоне Пушкина...» Пушкинские отзвуки у Галича и Окуджавы. Пушкин и мировая культура. Материалы VI

Международной конференции. Крым, 27 мая – 1 июня 2002 г. Санкт-Петербург, Симферополь, 2003. – С. 148-155: lib. pushkinskiydom.ru [31.03.2003].

Воронова Татьяна Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент
Воронежский государственный
технический университет
Россия, г. Воронеж
e-mail: tati82@inbox.ru

Voronova Tatiana Alexeevna
Associate professor, Ph.D.
Voronezh State Technical University
Russia, Voronezh
e-mail: tati82@inbox.ru

Т.А. Воронова

**«СЛОВАРЬ ЛИРИКИ АРСЕНИЯ ТАРКОВСКОГО»:
ЛЕКСИКОГРАФИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА**

Аннотация. В статье излагаются основные лексикографические принципы, которые легли в основу составления «Словаря лирики Арсения Тарковского». Подчеркивается, что основная цель издаваемого словаря – описание именно поэтического слова с учетом всей его специфики.

Ключевые слова: Арсений Тарковский, авторский словарь, лексикографическое описание, поэтический контекст

T.A. Voronova

**«VOCABULARY OF ARSENY TARKOVSKY'S VERSE»:
LEXICOGRAPHY OF POETIC LANGUAGE**

Abstract. The article presents the main lexicographical principles on which the compilation of “Vocabulary of Arseny Tarkovsky’s verse» is based. It is emphasized that the chief purpose of the given vocabulary is the description of the poetic language which takes into account its specific features.

Keywords: Arseny Tarkovsky, author’s vocabulary, lexicographical description, poetic context

Авторская лексикография – отрасль лингвистической науки, начавшаяся активно развиваться во второй половине XX века и остающаяся весьма плодотворной и в наше время. Однако до недавнего времени Арсений Тарковский не входил в число писателей, чье творчество лексикографически описано и

исследовано. Продолжающееся издание «Словаря лирики Арсения Тарковского», призвано заполнить этот пробел. Первые три части «Словаря» изданы в Воронеже в 2004, 2007 и 2014 годах; в настоящее время ведется работа над четвертым томом издания (автор-составитель – Т.А. Воронова, автор настоящей статьи; научный редактор – профессор Воронежского государственного университета Г.Ф. Ковалев).

1. Общая целевая установка словаря

Принципы составления словаря касаются лексикографического исследования именно *поэтических* произведений. Главный акцент ставится прежде всего на образно-семантическом аспекте поэзии А.А. Тарковского. При анализе лексики и выделении семантических оттенков мы стремились отталкиваться преимущественно от авторской интерпретации слова, представленной в контексте, авторском понимании той или иной лексической единицы.

Кроме того, в данном словаре мы стремимся отразить не только специфику авторского словоупотребления, но также личность и биографию самого поэта. Для поэзии Тарковского это особенно характерно: не случайно его стихи содержат немало реальных подробностей жизни поэта и во многом пересекаются с его автобиографической прозой.

2. Источники материала и организация словника.

Структура словарной статьи. Грамматический аспект словаря.

В словаре представлены поэтические произведения А.А. Тарковского, начиная с 1926 года. В анализируемый материал не вошли более ранние стихотворения, черновые варианты, переводные произведения, а также шуточные, изначально не предназначенные автором для печати.

Словарь планируется как полный по словнику и указателю произведений, но дифференцированным по толкованию, подбору цитат и характеристике тропов. Словарная статья включает грамматическую квалификацию словарной единицы и при необходимости стилистическую, а также пометы или комментарии энциклопедического характера (например, «библ.» – библейское, «геогр.» – географическое и т. д.). Гнездование исключается

полностью: уменьшительно-ласкательные формы существительных, производные прилагательные и т. п. составляют отдельные статьи. То же самое относится и к отрицательным формам прилагательных.

При приведении леммы необходимо исходить опять же из авторской интерпретации значения слова: контекстуальное грамматическое значение в ряде случаев может подавлять общезыковое. К примеру, прилагательное «беременная» в русском языке не имеет формы мужского рода. Но в словаре лирики Тарковского в качестве репрезентативного варианта приводится прилагательное именно мужского рода, поскольку оно употреблено в метафорическом значении – «наполненный» и относится в предложении к существительному мужского рода:

БЕРЕМЕННЫЙ, прил., мн. беременные. (1) *Перен.* Наполненный. // ... и вздувались **Беременные** славою мешки. (Хлеб)

Толкования значений и смысловых оттенков словарных единиц следуют в пронумерованном порядке, каждое из них иллюстрируется примером из контекста (одним, реже несколькими). Помимо общей частотности слова, указывается количество его употребления в каждом из выделенных значений, а также перечисляются названия произведений, в которых слово употреблено в том или ином значении.

Если слово образует форму множественного числа только в одном из своих смыслов или развивает частичную грамматическую омонимию (например, адъективная часть речи и ее субстантив, причастие и образовавшееся от него прилагательное и т. п.), то такие лексические единицы включаются под одним и тем же заглавным словом на правах различных значений (с указанием грамматической принадлежности):

ВЛЮБЛЕННЫЙ (3) 1. *Прил., ж. кр.* влюблена. *Перен.* Жажущий чего-то. (1) И она еще так жадно В жизнь и счастье **влюблена**. («Жизнь меня к похоронам...») 2. *Суц., мн.* влюбленные. Любящие друг друга люди; пара. (2) А фонари в цветных размывах В тех переулках шелудивых, Где летом шагу не ступить, Чтобы **влюбленных** в подворотне Не всполошить? («Кухарка жирная у скарעד...») Еще: Две лунные сказки, I (Луна в последней четверти).

Исключение составляют те случаи, когда адъективная часть речи субстантивируется в форме того или иного рода и частеречная принадлежность слова определяется преимущественно за счет синтаксиса:

ПОВСЕДНЕВНОЕ, субст. прил., ср. (1) Я новое любил за новизну, А **повседневное** – за повседневность. (Только грядущее)

Деепричастия включаются в смысловый ряд глагольных форм. Отдельная статья составляется только для деепричастных форм, приближающихся по значению к наречию. Причастия же, напротив, выделяются в отдельную статью, так как они отражают реалии действительности в несколько ином ключе, нежели глагол, и легко подвергаются адъективации. Дополнительный аргумент в пользу выделения причастий в самостоятельную словарную единицу – способность их не только переходить в прилагательные, но и развивать в поэтическом контексте значения, синонимичные значениям прилагательных:

ГОРЯЩИЙ, прич., ж. горящая, ср. горящее. (5) <...> **4. Перен.** Полный искреннего порыва и чистоты. (1) ... в каждой фасетке огромного глаза, В каждой радуге ярко стрекожущих крыл Обитает **горящее** слово пророка. («Я учился траве, раскрывая тетрадь...»)

Отдельно следует остановиться на принципах внесения в словарь кратких форм прилагательных и причастий. В некоторых случаях нам представлялось целесообразным приведение краткой формы прилагательного или причастия в качестве заглавного слова. В данном вопросе мы исходили, во-первых, из данных языка, во-вторых, из контекста. К первому типу относятся прилагательные, «не имеющие полной формы или употребляющие ее в ограниченных условиях» [2, с. 232]: должен, мал и т. п. С другой стороны, части речи адъективного типа, стоящие в краткой форме, могут приобретать в поэтическом контексте значение, характерное скорее для других частей речи:

ДАНО, прич., ср. кр. от «данный». (2) Судьба (по значению слово приближается к существительному). // **Дано** и вам, мою цыкуну пьющим, Пригубить немоту и глухоту. (Сократ)

ЗАЧАТ, кр. прич. (1) Родом откуда-то. // Я не знаю, кто я и откуда, Где **зачат** – в аду или в раю. («В пятнах света, в путанице линий...»)

По тому же принципу включается и сравнительная степень наречий: если она приобретает несколько измененное значение, то рассматривается отдельно:

ДОЛЬШЕ, нар., сравн. (1) Вне временных рамок (зд. человеческой жизни). // И каждый стих, звучащий **дольше** дня, Живет все той же казнью Прометеевой. (Эсхил)

В словарь вносятся все **даты**, упоминающиеся в стихах Тарковского, причем выраженные при помощи как слов, так и числительных. Практически все они являются заглавиями стихотворений (25 июня 1939 года) или входят в него (Суббота, 21 июня). Следует заметить, что поэт вносит в текст не случайные даты, а важные вехи в истории страны или своей собственной жизни.

К внесению в словарь и лексикографическому описанию **служебных частей речи** был применен несколько избирательный подход. Большая часть названных единиц включается в словарь только с указанием частотности, без контекста и указателя произведений. При этом для служебных частей речи, число которых очень велико, указывается приблизительная частотность. Исключение составляют: служебные части речи, развивающие грамматическую омонимию (например, слово «да» в произведениях Тарковского выступает как соединительный и противительный союз, восклицательная и формообразующая частица, а также как слово-предложение); служебные части речи, представляющие интерес со стилистической или словообразовательной точки зрения (союз «коль», предлог «меж»); сравнительные союзы независимо от частотности их употребления (исключив эту часть слов, мы лишили бы исследователей возможности проанализировать инструментарий образных средств поэта). Толкование и иллюстративные примеры также приводятся для служебных слов, важных для понимания авторской идеи, выраженной в данном тексте:

ПОМИМО, предл. (1) Независимо от чего-либо. // ... И жизнь жива **помимо** нашей воли. (Явь и речь)

Отдельно следует также те случаи, когда словарная статья составляется не для отдельных слов, а для словосочетаний. Главным критерием здесь является их «функционирование в речи качестве единого целого» [4, с. 432]. Прежде всего это касается фразеологических единиц (любой степени семантической слитности), устойчивых выражений, а также *особые контекстно-индивидуальных сочетаний*, характерных для системы словесных образов данного автора. Такое соединение слов может образовывать единую по смыслу метафору: «бессонницы глоток», «земной полукруг» [1, с. 130] или могут приобретать обобщенно-символическое значение.

Словосочетания вышеописанных типов обозначаются пометой «*конт.-инд.*» (контекстно-индивидуальное). Исключение составляют сочетания, обозначающие для поэта некое единое и даже символизированное понятие («двадцатый век», «девятнадцатый год»), но по своему образованию не являющиеся индивидуально-авторскими и поэтому не сопровождающиеся специальными пометами:

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД (4) 1. Воспринимается автором как время революционной романтики, надежд на лучшее (стихотворение написано в 1936 – 1940 гг.) (1) Здесь хранит сама природа Явный след былых времен – **Девятнадцатого года** Очистительный озон. (Цейский ледник) **2.** Переосмысление прежних впечатлений. Картина этого времени становится более жесткой и реалистичной. Вся Россия голодала, Чуть жила на холоду, <...> Стулья, шапки, что попало На пшено и соль меняла В **девятнадцатом году**. (Жили-были)

Лексика, входящая в состав, контекстно-индивидуальных словосочетаний, включается в словник без контекста, но с указанием частотности и ссылкой на соответствующую статью. В случае инверсии сочетания приводятся так, как они употреблены в тексте:

ЗАМУЖ ВЫЙТИ, фразеол. (1) Вступить в брак (о женщине), стать чьей-то женой. // **Замуж не вышла**, детей не качала я. (Русалка)

Все собственные имена, встречающиеся в стихах Тарковского, вносятся в общий словник наравне с остальной лексикой. По замечанию Е.В. Джанджановой, имя собственное в лирике Тарковского способно «развернуть свой сюжет или ситуацию в

новом произведении» [3, с. 7]. Имена собственные включают в себя ряд важных дополнительных смыслов и ассоциаций и нередко становятся ключом к пониманию всего произведения. Кроме того, упоминание в стихах Тарковского ряда личных имен помогает глубже понять творческое мировоззрение поэта и ту культурную среду, в которой он сформировался. Более того, образы поэтов, философов, ученых и т. д. зачастую выступают тем культурным «зеркалом», в котором отражается лирическое «я» автора. Типичная для Тарковского позиция – сопоставление «я – он»: я – Анжело Секки, я – Овидий, я – Феофан Грек и даже я – Иисус.

В словаре присутствуют развернутые указания на троп или образный прием, в контексте которого употреблено слово или выражение: «в контексте олицетворения», «в контексте сравнения», «в контексте метафоры», «в контексте развернутого сравнения», «в контексте развернутой метафоры», «в контексте гиперболы» и т. д. В связи с тем, что в задачи словаря не входит стопроцентный детальный анализ абсолютно *всех* словоупотреблений, комментироваться подобным образом будут только иллюстративные примеры:

ЖЕВАТЬ, гл., несов.; жуют. (1) *В контексте метафоры*: ... быки бредут, как боги, Боками трутся на дороге И жвачку времени **жуют**. (Сны)

Для точного понимания некоторых словоупотреблений требуется особый **контекстовый комментарий**, более полный, чем пометы. Это могут быть данные биографии автора, выявление аллитерации или аллюзии, указание на задачу употребления слова в речи персонажа, расшифровка значения в контексте всего стихотворения, наконец, раскрытие символического смысла и роли слова в поэтической системе Тарковского:

ВАША МИЛОСТЬ (3) Обращение. // <...> Они [соседи] сказали: – **Ваша милость!** Давайте чай четвертом пить! (зд. подчеркивается старомодный разговор героев).

3. Принципы толкования значений.

Словарь Тарковского создается как дифференцированный по толкованию (несмотря на отрицание многими лексикографами такого подхода). Слова, имеющие обычное прямое значение, которое легко выводится из контекста, не нуждаются, на наш взгляд, в дополнительной выписке из толкового словаря. Вот пример подобного словоупотребления:

ВЕДРО, сущ., ср., мн. ведра. (1) Вернутся Твои жильцы и время в чем попало – В больших кувшинах, в синих **ведрах**, в банках Из-под компота – принесут... («Дом без жильцов заснул и снов не видит...»)

Однако такие примеры не составляют большинства. Даже нейтральное слово, лишенное ярко выраженной метафорической коннотации, может приобретать в контексте оттенок смысла, несколько отличающийся от общеязыкового, не фиксируемый толковыми словарями:

ВЕРЕЩАНЬЕ, сущ., ср. (1) Испуганное ржание. Обезумевшей матери снится **Верещанье** четверки коней, Фазтон и его колесница... («Наша кровь не ревнует по дому...»)

Помимо аналогичных случаев, слова в прямом значении получают толкование с целью разграничения оттенков смысла, а также для предупреждения возможной неточности понимания:

ЖЕЛТИЗНА, сущ., ж. (2) **1.** Желтоватый, нездоровый цвет лица. (1) Со всею **желтизной** своею Лицо переходило в шею. (ЧЩ) **2.** Окраска листьев осенью. (1) Деревья лгут. Зачем все это Оцепененье **желтизны**... («Какие скорбные просторы...»)

Слова устаревшие или известные не всем носителям языка разъясняются в обязательном порядке. В некоторых случаях толкование заменяется перекрестной ссылкой.

Поскольку трактовать слово в поэтическом тексте намного сложнее, чем в прозаическом, то не всем индивидуально-авторским словоупотреблениям удалось дать адекватное истолкование. В ряде случаев мы были вынуждены дать либо предположительное объяснение, либо несколько его вариантов, либо просто поставить знак вопроса:

ДЕВОЧКА-МОЛНИЯ (1) (?) // Теперь я твоя молодая жена, Я **девочкой-молнией** прежде была. («Кто небо мое разглядит из окна...»).

Для более точной характеристики оттенка значения иногда приходилось прибегать даже к своего рода объяснению-схеме с использованием знаков: +, = :

БЕЛЫЙ, прил. <...> **12.** Очень светлый + сухой от солнца. (1) Что мне оставили ранние годы, Ранние годы – лучистые воды, **Белый** песок да степная трава... («Глупый мой сон, неразумная дрема...») <...>.

При этом мы отдаем себе отчет в том, что те интерпретации словоупотреблений, которая дается нами в словаре, далеко не всегда могут считаться исчерпывающими и непререкаемыми. Несовпадение нашей точки зрения с суждениями других исследователей и читателей, – явление не только допустимое, но и вполне закономерное. По отношению к художнику слова и его произведению интерпретатор – лицо вторичное. Он имеет дело с явлением словесного искусства, которое тем и отличается от научного определения, что предполагает множество (но не бесконечное число) трактовок.

Сложность и многоплановость семантики – отличительная черта поэзии Тарковского. Данная особенность по преимуществу нашла отражение в толкованиях. При подобном исследовании языка литературного произведения (в особенности поэтического) важно исходить из авторского подхода к языку и лексической семантике. Почему поэт выбирает именно это слово, какое место оно занимает в его художественной системе, какой смысл несет для самого автора – словарь призван ответить в первую очередь на эти вопросы. Структура словарной статьи строится так, чтобы отразить лексические и смысловые особенности образной системы в поэзии А.А. Тарковского.

Таким образом, по ряду основополагающих признаков и общей задаче «Словарь лирики А.Тарковского» может быть назван семантико-стилистическим авторским словарем. Он является полным по словнику и указателю произведений, но дифференцированным по толкованию, подбору цитат и характеристике тропов. При

интерпретации того или иного значения обращается особое внимание на индивидуальную сочетаемость слов, характеризующую язык именно этого поэта, и специфические авторские ассоциации, также осложняющие смысл слова в стихотворном произведении. Поскольку в словаре приводятся ссылки практически на все произведения, в которых употреблено то или иное слово, это поможет исследователю, а также преподавателю или студенту высшего учебного заведения легче ориентироваться в художественном мире поэта и избежать при этом субъективных и ошибочных трактовок.

Библиографический список

1. Воронова Т.А. Структура метафоры в поэзии А.А.Тарковского // Известия Научно-координационного центра по профилю «филология» (ВГПУ – ВОИПКРО). – Вып. II. – Воронеж: ВЭПИ, 2004. – С. 130-131.
2. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология. – М.: Просвещение, 1973. – 432 с.
3. Джанджанова Е.В. Семантика слова в поэтической речи. (Анализ словоупотребления А.Тарковского и А.Вознесенского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974. – 24 с.
4. Янко-Триницкая Н. Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка // Известия АН СССР. Серия языка и литературы. – 1969. – Вып. 5. – С. 429 – 436.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Петренко Денис Иванович
доктор филологических наук, профессор
Государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования
«Ставропольский государственный
педагогический институт»
Россия, г. Ставрополь
e-mail: textus@mail.ru

Petrenko Denis Ivanovich
Professor, Dr. Sc.
Stavropol State Pedagogical Institute
Russia, Stavropol
e-mail: textus@mail.ru

Штайн Клара Эрновна
доктор филологических наук, профессор
Федеральное государственное
автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный
университет»
Россия, г. Ставрополь
e-mail: textus@mail.ru

Shtayn Klara Ernovna
Professor, Dr. Sc.
North Caucasus Federal University
Russia, Stavropol
e-mail: textus@mail.ru

Д.И. Петренко, К.Э. Штайн

О РУССКОМ КОСМИЗМЕ, ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ

Аннотация. Статья посвящена малоизученным вопросам осмысления языка и культуры в философии и филологии космизма. Рассматриваются идеи С.Н. Булгакова и В.С. Юрченко о языке как «самосвидетельстве» космоса в нашем духе, о символизме слова и предложения. Их содержание определяется как космическая идея: с помощью языка космос говорит через человека.

Ключевые слова: русский космизм, лингвокультурология космизма, символизм слова, космический синтаксис

K.E. Shtayn, D.I. Petrenko

ABOUT THE RUSSIAN COSMISM, LANGUAGE AND CULTURE

Abstract. The paper is devoted to poorly studied questions of language and culture in philosophy and philology of Russian cosmism. The authors consider S.N. Bulgakov's and V.S. Yurchenko's ideas about language as «self-evidence» of Cosmos in our spirit, about symbolism of the word and sentence. Their contents is defined as the Cosmic idea: by means of language Cosmos speaks through the mankind.

Keywords: Russian cosmism, linguistic culturology of cosmism, symbolism of the word, cosmic syntax

Русский космизм — уникальное научно-философское направление, получившее широкое развитие в начале XX века. Хорошо известны имена ученых и философов Н.Ф. Федорова, Н.А. Умова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, Л.Н. Гумилева и др. Проблемы Солнца, Вселенной до сих пор весьма актуальны для человечества, это связано и с освоением космоса, и с новым глобальным мышлением. Космизм по-прежнему является объектом пристального внимания философов, ученых разных направлений. Опираясь на идеи П.Т. де Шардена, философ-космист Г.К. Гюнцель (Австрия) отметил, что знание об иерархической структуре космоса имеет большое значение для нашего существования. Космический процесс интеграции начинается, по Тейяру, с «доисторического взрыва». Он не следует закону линейной причинности, это, скорее, турбулентный поток, который продвигается вперед ступенчато или рывками: электрон — атом — молекула — органическая крупная молекула — клетка — многоклеточный организм. Важно, что Г.К. Гюнцель подчеркивает корреляцию органических и социальных процессов. Мировая история следует той же схеме: орды — племена — нации — континентальная интеграция — полушарная интеграция. В конце концов, настанет «органическое и организационное единство рода человеческого»: «Не только биологический мир и история следуют космической эволюции, но и наши структуры мышления, и наше сознание. Наше мышление и знание следуют законам космической эволюции и над столетиями выигрывают по глубине и целостному рассмотрению. История Духа является тому примером. Здесь снова следует упомянуть Тейяра, который провозгласил, что Земля будет окружена мыслительной субстанцией. Появится охватывающее весь мир единое сознание, которое он назвал Ноосферой» [3, с. 8].

В настоящее время в науке развиваются тенденции, намеченные А.Л. Чижевским, разработанные В.И. Вернадским, связанные с идеей целостности мира и Вселенной. Говорится о взаимодействии человека и природы, их взаимовлиянии, о том, что происходит коэволюция, то есть совместное взаимообусловленное развитие мира

и человека: «...для понимания места человека в сложных коэволюционных структурах и его надлежащего встраивания в коэволюционный процесс нужно уметь мыслить и действовать активно и интерактивно, быть в синергизме со средой, созидать подобающий как своим собственным когнитивным возможностям, так и внутренним неявным тенденциям среды когерентный, взаимно согласованный мир», — отмечают Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов [5, с. 382].

В общем течении российского космизма особые страницы представляет тема космизма в лингвокультурологии, философии языка. К космистам, философам и языковедам относят В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского. Очень мало изучена космическая философия языка филолога В.С. Юрченко. П.А. Флоренский, богослов и ученый-энциклопедист, рассматривая язык как основу культуры, высказывал мысль о «пневмосфере» — особой оболочке земли, созданной человеческим творчеством, «вовлеченной в круговорот культуры, или, точнее, круговорот духа». П.А. Флоренский считал «основным законом мира» второй принцип термодинамики — «закон энтропии, взятый расширительно, как закон Хаоса во всех областях мироздания. Миру противостоит Логос — начало энтропии. Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием: культура состоит в изоляции, как задержке уравнивающего процесса Вселенной, и в повышении разности потенциалов во всех областях, как условия жизни, в противоположность равенству — смерти» [7, с. 148].

Российские ученые стремились рассматривать язык в философском и лингвокультурологическом контекстах, эти «расширительные» контексты приводили некоторых из них к мысли о космизме языка, мышления и культуры человека. Проблемы эти мало изучены, и если ученые все-таки интересовались идеями философа и лингвокультуролога С.Н. Булгакова, видевшего космический потенциал языка в слове, то работы лингвиста-космиста В.С. Юрченко, находившего космический потенциал языка в синтаксисе, в строении предложения, практически неизвестны.

С.Н. Булгаков (1871—1944) — выдающийся русский философ и православный богослов, экономист, публицист, общественный

деятель, спасшийся в 1922 году на «философском пароходе» от репрессий, которые, несомненно, ожидали бы его в будущем; жил и трудился в эмиграции в Праге, Париже. Основные работы, связанные с филологией: «Свет невечерний. Созерцание и умозрение» (1917), «Философия имени» (1920), «Икона и иконопочитание» (1931).

Философия грамматики и философия имени С.Н. Булгакова выглядят последовательным применением его софиологического космизма, считают философы, то есть всеединства, мистического узрения Софии Премудрости Божией как космического творческого принципа. «Если считать основным принципом софиологии принцип воплощения, духовной телесности, то человеческий язык, несомненно, должен был попасть в орбиту софиологического размышления. Ведь если не в языке, то благодаря языку происходит как духовное возрастание человека, так и его упрощение, отдание себя инерции бытия, диктату посредственности и слабоволия» [4, с. 425].

Слова в понимании С.Н. Булгакова как первоэлементы мысли и речи — носители мысли, выражают идею как некоторое качество бытия, простое и далее неразложимое. **Это «самосвидетельство» космоса в нашем духе, его «звучание».** Вместо понятия «внутренняя форма» слова (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня) С.Н. Булгаков использует понятие «внутреннее слово», или «идея», «смысл», то есть ядро слова, которое содержится в его словесной оболочке. Слова разных языков, разные оболочки, нанизываются на один и тот же смысл, и именно этот смысл делает их словами. «Что значит *говорить* (курсив автора. — *Д.П., К.Ш.*), произносить слова? Это значит возбуждать в сознании смыслы через слова как воплощенные идеи. <...> Сущность же речи есть пробуждение смыслов, жизнь идей-слов в человеке, которые связуют сознание людей, и связь эта совершается через язык. Внутреннее это слово имеет свою собственную жизнь, ранее чем оно воплощается в слове, в сознании, реализуется в нем» [2, с. 24].

Слова, по Булгакову, — это символы, природа слова символична. Символизм вообще — не только философское учение, он — жизнеощущение, опыт. В символе важен его реализм, символы живы и действенны, они носители силы, некоторые конденсаторы и

приемники мировой энергии. «И вот этот-то энергетизм их, божественный или космический, образует истинную природу символа, благодаря которой он есть уже не пустая шелуха, но носитель энергии, сила, жизнь. Сказать, что слова суть символы, это значит сказать, что в известном смысле они *живы* (курсив автора. — Д.П., К.Ш.)» [там же: 28].

В словах говорит космос, отдает идеи, раскрывает себя. Слово мировое и человеческое — это «идеация» космоса, считает С.Н. Булгаков. Оболочка космического смысла, идеи и есть слово. В рождении слова происходит двойной, в двух противоположных направлениях идущий процесс: «...из космического бытия выделяется, освобождается мысль, его идея, но, освобожденная, она тут же облекается в слова, иероглиф мира, его словесный микрокосм. И дальнейшее существование она ведет уже в мире мысли и слова. Слова суть живые и действенные иероглифы вещей, в каком-то смысле суть сами вещи как смыслы» [там же]. Индивидуальное значение слова С.Н. Булгаков связывает с его корнем, считая корень, корневое ядро главным признаком самостоятельного слова, причем корневое ядро — это ядро смысловое, первооснова слова, в котором сращение слова и смысла-идеи имеет непосредственное изначальное бытие: «В дальнейшей жизни уже родившегося слова или воплотившегося слова могут происходить разные события и процессы, все умножения, изменения и усложнения смысла; сюда относятся: тропы как метафоры, метонимии, синекдохи, то, что называется «внутренней формой слова» и т.д.» [там же: 29].

Анализ слов показывает, что мы в результате упираемся в корневые первоэлементы, первослова, не разложимые далее. Словесные окаменелости могут снова оживать и наполняться иными смыслами, и тогда можно говорить не только о метафорическом употреблении существующего, еще живого слова в переносных смыслах, но о повторном, многократном рождении по звуковой оболочке неизменного слова, и однако, по смысловому наполнению образующего ряд новых слов.

Идеи без слов, смысла без символического воплощения не существуют, считает С.Н. Булгаков. Мысли «нераздельны» от слов. Не существует и готовых слов (корней), которые можно было бы

выбирать и подбирать как пустые формы. Звуковая материя, осуществляемая органами речи, представляет собой практически безграничный запас возможностей для новых словообразований, но готовых, пустых, лишенных смысла звуковых слов в ней нет. Процесс зарождения слова не может быть «подсмотрен». Слово не сочиняется, не подбирается, а возникает одновременно и вместе со смыслом. Здесь идеи С.Н. Булгакова коррелируют с идеями творческой эволюции А. Бергсона, витализма Г. Дриша, естественной теологии Дж. Кроля. «Мы принуждены прийти к выводу, — отмечает С.Н. Булгаков, — который звучит не только парадоксально, но прямо абсурдно: *слова рождают сами себя*, идея сама срывается со звуковым символом, смысл воплощается в звуки. И, однако, это положение, что *слова сами себя говорят* (Гербер), сами звучат в человеке, но не создаются человеком, соответствует *природе слова...* Как пояснено выше, слова суть символы смысла, конкретные, нераздельные сращения смысла и звука, которые не существуют в отдельности друг от друга, а значит, слово в своих элементах — смысле и звуке — *не может возникать по частям* (курсив автора. — Д.П., К.Ш.), складываясь из этих элементов, но может только сразу произойти, само себя доказать. **Так как содержание слова есть космическая идея, то можно сказать, что говорит его космос через человека.** Так как человек есть микрокосм, в котором и через которого говорит, осуществляет, осознает себя весь космос, то можно сказать, что слово это возникает или говорится в человеке, но только не в психологическом, а в антропологическом смысле: **слова суть вспыхивающие в сознании монограммы бытия** (выделено нами. — Д.П., К.Ш.)» [там же: 28—31].

Говоря об именах собственных, С.Н. Булгаков подчеркивает, что имя выражает духовный тип, строение, разновидность человека. По именам, считает он, человеческий род распадается на семейства и группы. Это естественная классификация его. Имя — это «сила, семя, энергия» [там же: 130]. Имя во всей его конкретности — «живая энергия, которая, как и все живое, ощутима внутренней интуицией и может быть лишь выявляема, рассказываема, чувствуема созерцающим» [там же: 135]. Имя человека содержит «синему», то есть значение, сращенное с фонемой. Имена — это «жилы, кости,

хрящи», части «ономатического скелета человека» [там же: 137]. Имя как организм имен, так как каждой части человека дается имя, — это и есть софийный человек, то есть он часть общего человечества. В богатейшую эпистему имяславия начала XX века входят не только работы философов, филологов, богословов, но и идеи поэтов, в особенности можно отметить рефлексии над именем М.И. Цветаевой, сказавшей, что вся ее поэзия — «поэзия собственных имен» [8, с. 230].

Философия имени и слова С.Н. Булгакова помогает осознать значимость языка, пафос филологии, который связан с осмыслением слова как космической идеи, позволяющей понять, как космос говорит через человека, через его творчество и культуру.

В.С. Юрченко (1927—1998) — доктор филологических наук профессор Саратовского государственного университета. Наиболее известные работы: «Простое предложение в современном русском языке» (1972), «Язык и время» (1988), «Космический синтаксис» (1992). Позже была издана монография «Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки» (2005). В.С. Юрченко считал, что взгляд на язык — это одновременно взгляд на мир. Он соотносил язык и космос с целью построения «глобального космического синтаксиса»: «Под этим термином, — писал он, — понимается, с одной стороны, космический синтаксис языка, а с другой — лингвистический синтаксис космоса. Основная предпосылка космического синтаксиса языка состоит в том, что язык строится на одной из четырех геометрических сторон мироздания — на линейной однонаправленной оси реального времени. Основная предпосылка лингвистического синтаксиса космоса состоит в том, что универсум рассматривается как субъектно-предикатная система, в которой физический мир — субъект, а информационный мир (разум) — предикат. Таким образом, получаются как бы два высказывания, или суждения: языковое и космическое» [9, 4].

Идеи философов-космистов связаны с идеей Божественного происхождения языка. Не случайно В.С. Юрченко в качестве одного из эпиграфов к книге «Космический синтаксис» берет начало Евангелия от Иоанна — «Предвечное слово»: «1. В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. 2. Оно было в начале

у Бога. 3. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. 4. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. 5. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [1, с. 1621].

В «Космическом синтаксисе» В.С. Юрченко обращается непосредственно к тому, что несет в себе предложение, которым пользуется человек в процессе общения. Для В.С. Юрченко один из главных вопросов: кто завязывает «узел», кто связывает субъект и предикат? «Суть в том, — пишет В.С. Юрченко, — что изначально, а точнее на этапе предсуждения, они существуют раздельно. Между ними нет внутренней, органической, имманентной связи. Установление извне (кем-то) связи между субъектом и предикатом автор называет модальностью предложения — суждения. Поэтому указанный вопрос можно сформулировать по-другому: кто осуществляет, регулирует модальность в языке и мире, космосе? Явно или неявно считается, что в языке «узел» между субъектом и предикатом завязывает человек — говорящий. А что касается мира в целом, то он вообще еще не рассматривался как субъектно-предикатная структура.

Против тезиса, что в языке субъект и предикат связываются и, следовательно, суждение продуцируется человеком, возражений, вообще говоря, не должно быть. Вопрос лишь в том, что это за человек? Язык — абстрактная система, которая функционирует и реализуется в речи. Поэтому индивидуального, конкретного человека, Ивана или Петра, нет ни в языке, ни около языка. Языку противостоит абстрактный человек, а это — уже идеальная сущность. Конечно, абстрактный говорящий репрезентируется через конкретного говорящего, но тождества между ними нет. Как нет тождества между сущностью и явлением, языком и речью. Поэтому именно абстрактный всеобщий человек, а не конкретный индивидуум, и устанавливает связь между членами виртуального лингво-логического суждения (S есть P)» [9, с. 4].

Кто же все-таки завязывает «узел» в космосе, мироздании? По гипотезе В.С. Юрченко, его завязывает Бог. Так как мироздание имеет субъектно-предикатное строение, над ним и в нем есть Бог: «Таким образом, Бог — это прежде всего Демиург космической модальности Бытия. Бог — это виртуальный космический Субъект,

который в условиях земного космоса репрезентируется через актуального субъекта — Человека. Бог — это инвариант человечества в его отношении к миру» [там же: 5]. Идеи С.Н. Булгакова и В.С. Юрченко здесь, как и во многих случаях, пересекаются.

Экстраполяция языка на космос, считает В.С. Юрченко, неизбежно приводит к идее Бога. Автор строит собственную модель языка и мира и в процессе такого построения приходит к идее Бога. Как ни парадоксально это выглядит, идея Бога нужна автору для того, чтобы завершить научную картину мира. Примечательно то, что в одном из эпиграфов В.С. Юрченко цитирует хорошо известную статью М. Планка «Религия и естествознание» (1937), в основу которой положен доклад, прочитанный нобелевским лауреатом в Дерптском университете в мае 1937 года: «Религия и естествознание не исключают друг друга, как кое-кто ныне думает или опасается, а дополняют и обуславливают друг друга. Самым непосредственным доказательством совместимости религии и естествознания, даже при самом критическом взгляде на вещи, вероятно, является тот исторический факт, что глубокой религиозностью были проникнуты как раз самые великие естествоиспытатели всех времен — Кеплер, Ньютон, Лейбниц. <...> ...оба эти пути не расходятся, а идут параллельно, встречаясь в бесконечности у одной и той же цели. Для правильного понимания этого нет лучшего средства, чем продолжить усилия, направленные на углубление постижения задач и сущности, с одной стороны, естественнонаучного познания, с другой — религиозной веры. Тогда станет все более очевидно, что даже при различии методов (наука преимущественно пользуется разумом, а религия — верой) смысл работы и направление прогресса полностью совпадают. Следует неутомимо и непрестанно продолжать борьбу со скептицизмом и догматизмом, с неверием и суеверием, которую совместно ведут религия и естествознание, а целеуказующий лозунг в этой борьбе всегда гласил и будет гласить: к Богу!» [6, с. 36].

В настоящее время, когда происходит смена научных парадигм, а линейная модель прогресса обогащается вертикальной моделью, позволяющей рассматривать моменты самоорганизации в открытых нелинейных средах, к которым относится язык, реализуется принцип

«у мира множество путей» (Н. Гудмен, Г. Кюнг), по которому постижение явлений возможно не одним, а множеством способов. Космическая философия языка разрабатывается именно в таком направлении. Следует обратить внимание на проблематику исследований космистов философов языка в силу того, что наука и религия в их работах не противоречат, а дополняют друг друга. И в этом, возможно, залог успеха в изучении самых сложных и в то же время, на первый взгляд, самых простых проблем человечества: кто такой человек? что такое язык? что такое жизнь?

Библиографический список

1. Библия. Брюссель: Жизнь с Богом, 1973. — 2357 с.
2. Булгаков С.Н. Философия имени // Булгаков С.Н. Первообраз и образ: Сочинения в двух томах. Санкт-Петербург: ООО «ИНАПРЕСС»; Москва: Искусство, 1999. Т. 2. С. 13—240.
3. Гюнцель Г.К. Философы изменяют мир. Синтез свободы и порядка // Космизм и новое мышление на Западе и Востоке: Материалы международной научной конференции 29 июня — 1 июля 1999 года. Санкт-Петербург: Нестор, 1999. С. 5—15.
4. История русской философии / Под ред. М.А. Маслина. Москва: КДУ, 2008. — 638 с.
5. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Загадка человека: человеческая особенность коэволюционных процессов // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. Москва: Прогресс-традиция, 2004. С. 379—399.
6. Планк М. Религия и естествознание // Вопросы философии. 1990. № 8. С. 25—36.
7. Семенова С.Г., Гачева А.Г. Павел Александрович Флоренский (1882—1937) // Русский космизм: Антология философской мысли / Сост. С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой. Москва: Педагогика-Пресс, 1993. С. 146—149.
8. Цветаева М.И. Предисловие к сборнику «Из двух книг» // Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Москва: Терра, 1995. Т. 5. С. 230.
9. Юрченко В.С. Космический синтаксис. Бог. Человек. Слово: Лингвофилософский очерк. Саратов: Саратовский государственный педагогический институт, 1992. — 136 с.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Клобукова Любовь Павловна
доктор педагогических наук, профессор
Московский государственный
университет
Имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: klobukov@list.ru

Klobukova Ljubov Pavlovna
Professor, Dr.Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: klobukov@list.ru

Нестерская Лия Александровна
кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный
университет
Имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: liane1@yandex.ru

Nesterskaya Lija Aleksandrovna
Associate Professor, Ph.D.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: liane1@yandex.ru

Норейко Лариса Николаевна
кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный
университет
Имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: nor-larisa@yandex.ru

Norejko Larisa Nikolaevna
Associate Professor, Ph.D.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: nor-larisa@yandex.ru

Л.П. Клобукова, Л.А. Нестерская, Л.Н. Норейко

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМ УЧАЩИМСЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. В статье определяется содержание понятия «профессиональная языковая личность», анализируются цели и средства профессионально ориентированного преподавания русского языка иностранным учащимся экономических специальностей на завершающем этапе их обучения.

Ключевые слова: профессиональная языковая личность инофона, деятельностный подход к обучению, текстотека, социокоммуникативная роль

L.P. Klobukova, L.A. Nesterskaya, L.N. Norejko

CONCEPT OF FORMATION OF PROFESSIONAL LANGUAGE PERSONALITY AND ITS IMPLEMENTATION IN TEACHING PRACTICE RUSSIAN LANGUAGE FOR FOREIGN STUDENTS ECONOMIC PROFILE OF TRAINING

Abstract. The article defines the concept of «professional linguistic personality», examines the ends and means of professionally-oriented teaching Russian language to foreign students of economic specialties at the final stage of their training.

Keywords: professional linguistic identity of foreign students, active approach to learning, online collection of texts, socio-communicative role

Одной из актуальных проблем обучения иностранным языкам в условиях интенсивно меняющегося рынка труда является повышение конкурентоспособности образовательных услуг. Важная роль в решении этой проблемы принадлежит профессионально ориентированному обучению русскому языку как иностранному, предполагающему формирование профессиональной языковой личности. В связи с этим важно заметить, что «любая языковая личность представляет собой многослойную и многокомпонентную парадигму языковых личностей, которые дифференцируются, в частности, с учетом тех тем, сфер и ситуаций, в рамках которых происходит речевое общение» [3, с. 29].

Языковая личность начинающего специалиста в любой области представляет научный интерес для методистов как совокупность способностей, знаний и компетенций, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности. По определению Г.И.Богина, языковая личность – это «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [1, с.3]. Ю.Н.Караулов, определяя структуру языковой личности, предложил выделять три уровня:

- 1) вербально-семантический уровень, элементами которого являются слова, грамматические структуры, модели словосочетаний и предложений;
- 2) тезаурусный уровень, отражающий картину мира, иерархию смыслов и духовных ценностей людей, говорящих на одном языке;

3) мотивационно-прагматический уровень, включающий устойчивые коммуникативные потребности и коммуникативные черты, порождаемые целями и мотивами [2].

Применительно к профессиональной сфере общения вербально-семантический уровень будет представлен терминами и терминологическими словосочетаниями, которые отражают реалии той или иной профессиональной сферы, актуальными синтаксическими моделями, а также профессионализмами и образными языковыми средствами (метафорами и фразеологизмами), свойственными устной речи специалистов в конкретной области профессиональной деятельности. Второй уровень структуры профессиональной языковой личности включает корпус коммуникативно актуальных устных (монологических, диалогических, полилогических) и письменных текстов разных жанров, реализующих профессиональный дискурс. И, наконец, мотивационно-прагматический уровень в профессиональном аспекте означает набор коммуникативных потребностей и коммуникативных компетенций, определяемых целями и задачами речевого профессионально ориентированного взаимодействия.

До недавнего времени учебная, научная и профессиональная сферы общения в практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) были представлены в разных учебных пособиях: одни были предназначены для обучения иностранных учащихся вузов (студентов и магистрантов), а другие для работы с дипломированными специалистами. Данные средства обучения отличали решаемые учебные задачи, пути и способы достижения поставленных целей. Однако в современных условиях актуальным становится комплексное представление в профессионально ориентированных учебных материалах трех сфер деятельности: учебной, научной, и собственно профессиональной. Заметим при этом, что в последние годы профессиональная сфера занимает все более заметное место в академической сетке часов, а учебный процесс в целом приобретает четко выраженную прагматическую, профессиональную направленность.

Сегодня конечная цель обучения русскому языку как иностранному формулируется как достижение заданного уровня

коммуникативной компетенции, который определяется на основе выявленных коммуникативных потребностей того или иного конкретного контингента учащихся.

Стремясь определить цели профессионально ориентированного обучения русскому языку иностранных учащихся экономического профиля на завершающем этапе их обучения, авторы статьи проанализировали речевое поведение выпускников экономических вузов и факультетов РФ в профессиональной сфере общения, которая стала для них актуальной после завершения обучения в вузе. Такое решение было принято в соответствии с требованиями личностно-деятельностного подхода в преподавании РКИ, который, в частности, предполагает обучение инофона осуществлению конкретной деятельности в будущем через организацию его учебной деятельности в момент обучения.

Следует отметить, что иностранные учащиеся российских экономических вузов и факультетов воспринимают русский язык не только как средство получения специальности, но и как инструмент, который необходим им для эффективной профессиональной деятельности в будущем. Проведенное нами исследование показало, что в реальном деловом общении в профессиональной сфере значительное место занимают диалогические и полилогические формы коммуникации. В частности, весьма актуальными для сотрудников компаний являются такие виды речевого общения, как тренинги, официальные/неофициальные встречи с другими специалистами (партнерами по бизнесу, клиентами), рабочие совещания, участие в которых предполагает наличие у инофона широкого спектра развитых профессиональных речевых навыков и умений, гибких стратегий и тактик общения. В то же время данные речевые жанры до сих пор, как правило, не включались в содержание учебных материалов для иностранных учащихся экономического профиля. Между тем методическую ценность подобных типов текстов трудно переоценить: они позволяют успешно решать целый комплекс учебных задач по формированию профессиональной языковой личности.

Прежде всего, необходимо отметить, что эти формы общения всегда направлены на решение той или иной профессионально

значимой проблемы, на достижение определенной коммуникативной цели, поэтому процесс обучения РКИ на их основе естественным образом приобретает ярко выраженный деятельностный характер. Учащиеся получают возможность овладеть стратегиями и тактиками делового общения, осваивают различные способы речевого взаимодействия с коллегами, партнерами и клиентами, учатся «слышать» собеседника, вступать в общение в нужное время с конкретными целями, используя соответствующие языковые средства.

Как же реализуются в практике преподавания русского языка как иностранного сформулированные выше методические положения? Важным является создание адекватной языковой базы для будущей самостоятельной рецептивной и продуктивной речевой деятельности инофона. Так, например, учащимся предлагается аналитическая работа, в ходе которой они осваивают структуру и языковое оформление актуального для них полилогического профессионального дискурса. Приведем пример.

Вам с коллегами необходимо обсудить стратегию вашей компании на рынке. Познакомьтесь с таблицей, в которой представлены этапы обсуждения проблемы и необходимые для этого языковые средства.

Этапы обсуждения	Языковые средства
1. Формулировка задачи	- Предлагаем вывести на рынок новый продукт.
2. Анализ возможностей компании	- Наши преимущества в данном сегменте рынка очевидны. - На рынке существует потребность в данном продукте.
3. Анализ существующих угроз бизнесу	- В компании отсутствуют средства для внедрения инновационных технологий. - В этом сегменте рынка высокая конкуренция.
4. Предложение возможных вариантов развития бизнеса	- Необходимо внедрить инновационные технологии в производство.

	- <i>Нужно запланировать и провести активную рекламную кампанию.</i>
--	--

На следующем этапе работы профессиональный дискурс актуализируется в ходе принятия решения в форме спонтанного полилогического (диалогического) общения.

Формированию профессиональной картины мира способствуют различные виды устного взаимодействия. Так, например, в ходе встречи со специалистом, представляющим действующую на российском рынке компанию, участники общения обсуждают конкретный опыт деятельности компании на рынке, ее удаchi и просчеты, свойства созданного ею продукта. После этого участники переходят к решению и обсуждению конкретных задач: например, они должны выработать оптимальную стратегию деятельности компании на ближайшее время. В ходе обсуждения проблемы нужно сформулировать цели, стоящие перед компанией, выбрать соответствующую стратегию их достижения. Завершающим этапом этой работы является переход к решению практических задач, связанных с построением своего бизнеса. Можно предложить участникам выступить в роли руководителя отдела продаж (отдела рекламы и т.п.), сформулировать задачи, стоящие перед отделом и предложить стратегии их решения.

При таком подходе к формированию профессиональной языковой личности инофона важное место отводится игровым методам в обучении (в разработку которых существенный вклад внесли такие ученые, как М.Риверс, Д.Б.Эльконин, Е.С.Аргустянянц, М.Ф.Стронин, С.Савиньон, М.Флеминг и др.), а также ролевой игре как эффективному средству формирования и развития навыков и умений профессионального общения на русском языке. Участники ролевой игры (иностранцы учащиеся) должны найти и принять решение по какой-либо актуальной проблеме. В этом случае в задании необходимо детально представить ситуацию профессионального полилогического общения с описанием таких значимых ее компонентов, как социокоммуникативные роли участников коммуникации, тема общения, обсуждаемая проблема и формат общения (официальная или неофициальная обстановка).

Так, например, один из участников деловой игры может выступить в роли эксперта, который представляет результаты объективного анализа состояния компании, другой – в роли члена Совета директоров, организующего обсуждение внесенных экспертом предложений и т.д.

Важное значение для формирования профессиональной языковой личности инофона имеет включение в процесс обучения актуальных аутентичных текстов из профессионально ориентированных периодических изданий, таких, например, как «Компания», «Эксперт», «Финансы», на страницах которых обсуждаются актуальные вопросы развития бизнеса в России и в мире. Современный специалист должен уметь работать с материалами такого рода: извлекать для себя полезную информацию, интерпретировать ее и применять полученные знания, создавая своё собственное речевое произведение, адекватное ситуации общения (например, в ходе обсуждения проблемы, в процессе дискуссии и др.). Работая с аутентичными материалами специальных изданий, иностранные учащиеся активно осваивают различные виды профессионально ориентированных текстов. Их многообразие можно представить в виде следующей классификации:

- текст информативно-оценочного характера;
- текст-интерпретация (как выражение точки зрения);
- текст-аргументация;
- текст-прогноз;
- текст как поиск решения поставленной проблемы.

Необходимо отметить, что все отобранные ситуации общения, социо-коммуникативные роли и коммуникативные задачи отражают реальную профессиональную практику в области экономической деятельности: определение бизнес-стратегии предприятия, разработка бизнес-плана, создание бренда, принятие маркетинговых решений и др. При таком подходе к обучению профессиональному общению свою специфику обретает понятие «предметная компетенция». Предметная компетенция включает не только системные знания теоретических основ дисциплины (что является задачей освоения материала в рамках учебной сферы деятельности иностранных учащихся на предшествующих этапах обучения), но и

умения применять эти знания на практике, ориентироваться в современном состоянии экономики, определять тенденции развития бизнеса.

Следует также обратить внимание еще на одну важную специфическую особенность содержания текстотеки, лежащей в основе процесса формирования профессиональной языковой личности инофона. Определяя планируемое процентное соотношение видов и форм речевого общения, которые должны быть освоены учащимися, особое место необходимо отводить актуальным для ситуаций профессионального общения интерактивным и коллективным формам коммуникации, таким как беседа с руководителем, тренинг для молодых специалистов, рабочее совещание, встреча с экспертами, заседание совета директоров и др. Известно, что данные речевые жанры в своей совокупности прежде никогда не включались в содержание обучения иностранных учащихся экономического профиля. В то же время работа с такими устными профессиональными жанрами, как тренинг, семинар, рабочее совещание, чрезвычайно актуальна для учащихся. Подобный подход позволяет приблизить учебный процесс к предстоящей инофону реальной коммуникации в профессиональной сфере общения.

Формирование профессиональной языковой личности подразумевает свободное владение профессиональной лексикой, позволяющей осуществлять коммуникацию в соответствии с ситуацией и целью общения в рамках устных и письменных жанров профессиональной речи. Активный словарь пользователя профессионального языка включает лексические единицы, обладающие определенными (порой весьма специфическими) формальными и функциональными особенностями. В связи с этим авторы статьи провели исследование, направленное на описание активного словаря иностранных учащихся экономических специальностей, необходимого им для эффективной коммуникации в профессиональной сфере общения. Данная работа началась с анализа функциональной и представительной текстотеки – большого числа устных и письменных текстов различных жанров профессионального общения. Это соответствует базовому требованию коммуникативной

методики обучения РКИ, согласно которому лингвистическое обеспечение учебного процесса (в том числе и содержание лексического компонента коммуникативной компетенции учащихся) является величиной, производной от задач целевой коммуникации.

В ходе анализа сформированной текстотеки, при отборе активной лексики, авторы статьи применяли, прежде всего, семантический критерий, в соответствии с которым в активный словарь иностранных учащихся включались слова и словосочетания, выражающие понятия, наиболее важные для экономической сферы деятельности инофона. Не менее значимым при отборе активного словаря являлся критерий сочетаемости: слова с большой валентностью обеспечивают инофону бóльшую коммуникативную свободу. Кроме того, учитывалась также словообразовательная ценность лексических единиц. Так, в текстотеке были выделены наиболее продуктивные в словообразовательном отношении слова, от которых образуется большое количество других значимых для общения лексических единиц, что позволило существенно расширить лексический запас иностранных учащихся в профессиональной сфере общения, в рамках которой коммуниканты сталкиваются со всем словообразовательным многообразием терминологической лексики. Например, существительное *финансы* образует обширное словообразовательное гнездо: *финансовый, финансировать, финансирование, финансист* и др. При этом каждый компонент данного гнезда демонстрирует свои особенности сочетаемости: *организация финансов, управление финансами; финансовый рынок, финансовый менеджмент, финансовые ресурсы, финансовые потоки; финансировать проект; источники финансирования* и т.п.

В процессе формирования терминологической базы пользователей языка профессиональной сферы общения важно выделять номинативные зоны, определяющие основные понятия современной экономики, так называемые ключевые слова темы. Например, тематическое пространство понятия *рынок* включает следующую классификацию рынков:

а) по виду продаваемого продукта: *рынок сырья / недвижимости / информации, потребительский рынок, финансовый рынок* и т.п.;

б) по границам охвата сферы обмена: *мировой / региональный / внутренний / внешний рынок;*

в) по уровню конкуренции: *осваивать / завоевывать / монополизировать / расширять рынок; выйти на рынок, уйти с рынка.*

Еще одна номинативная зона, связанная с понятием *рынок*, – это наименование субъектов, участвующих в бизнесе. Сюда относятся две тематические группы: наименование участников экономических отношений (*продавец, покупатель, производитель, посредник, кредитор, поставщик, инвестор, арендатор* и т.п.) и юридический статус экономических субъектов коммерческой деятельности (*акционерные общества, холдинги, концерны, компании, промышленно-финансовые группы*).

Специфической особенностью речи специалиста-экономиста в профессиональной сфере общения является ее стилистическая неоднородность. Это объясняется тем, что словарь, актуальный для профессиональной сферы деятельности, характеризуется органичным синтезом общелитературной, профессиональной, разговорной и научной лексики. Стилистическая неоднородность активного словаря специалиста проявляется, в частности, когда происходит соединение терминологических единиц с общелитературным пластом лексики, в результате чего образуются свободные терминологические словосочетания. Таким способом формируются, например, основные понятия рекламного бизнеса, нередко включающие термин и общелитературные или разговорные оценочные прилагательные: *запоминающийся / лаконичный / мотивирующий / остроумный / убедительный / яркий слоган; раскрученный / узнаваемый бренд* и др.

Профессиональный словарь иностранного специалиста должен обеспечивать реализацию широкого круга коммуникативных потребностей, возникающих у него в деловой сфере как в официальных, так и в неформальных ситуациях общения. В связи с этим в его активный словарь должны быть включены лексические единицы деловой речи, которые часто используются в ходе неформального общения специалистов, связанных общими профессиональными интересами. Это такие, например, единицы устной профессиональной речи, как *упрощенка (упрощенный налог)*,

платежка (платежная квитанция), оперативка (оперативное совещание), кредитка (кредитная карта), наличка (наличные деньги) и др. В настоящее время формируется пласт профессионально ограниченных жаргонных эквивалентов ряда базовых экономических понятий, частотность использования которых достаточно высока в сфере бизнеса: *нал, безнал, мелкий опт, самовывоз* и др. Поскольку эти профессионализмы получили в последние десятилетия широкое распространение в речи деловых людей – носителей языка, есть все основания дополнить активный словарь иностранных учащихся экономического профиля подобной лексикой.

Необходимо особо подчеркнуть, что современный язык делового общения включает целый ряд идиоматических выражений, фразеологизмов и выражений, ставших крылатыми фразами благодаря рекламе. При отборе и включении данных лексических единиц в содержание обучения иностранных учащихся-экономистов на завершающем этапе следует руководствоваться критериями частотности и актуальности подобной лексики в современном языке профессиональной сферы общения. К таким актуальным и широко употребительным лексическим средствам могут быть отнесены следующие устойчивые словосочетания и выражения: *раскрученный бренд, зрелый / незрелый рынок, свободная ниша, портфель бизнесов, распыление сил; приблизиться к потребителю, строить бизнес с нуля; складывать яйца в одну корзину* и др.

Остановимся подробнее на технологии формирования активного словаря иностранных учащихся экономических специальностей, необходимого им для коммуникации в сфере профессионального общения. Последовательность предлагаемых нами методических шагов предполагает переход 1) от овладения инофоном языковыми (в частности, лексическими) средствами к формированию у него речевых навыков и развитию речевых умений, 2) от рецептивных видов речевой деятельности к репродуктивным и собственно продуктивным. Создавая систему упражнений и обучающих заданий, авторы статьи предлагают опираться на такие методические принципы, как коммуникативность и функциональность в отборе и подаче лексического материала, а также его ситуативно-тематическая организация. Знакомство

инофона с лексической единицей начинается с наблюдения за особенностями ее функционирования в контексте: внимание учащихся направлено на значение нового слова, на его парадигматические и синтагматические связи, на его словообразовательные характеристики. На продвинутом этапе обучения специальная (терминологическая) лексика вводится в рамках широкого контекста [5, с. 55]. В нашем случае именно текст позволяет инофону усвоить тематически связанные группы терминологической лексики, познакомиться с типичными речевыми ситуациями, в которых данная лексика может быть востребована. Работа с функционально аутентичными материалами приближает обучаемых к реальным условиям употребления языка, готовит к самостоятельному корректному применению лексических средств в условиях реальной коммуникации профессионального характера.

Важным этапом по формированию вербально-семантического уровня профессиональной языковой личности является коммуникативная практика, направленная на развитие у иностранных учащихся речевых умений, актуальных для сферы профессионального общения. В этом случае используются собственно коммуникативные, или творческие, задания, целью которых является порождение инофоном текста (формирование его содержания), адекватного поставленной коммуникативной задаче. Необходимо подчеркнуть, что подобные задания могут быть ориентированы как на ситуации официального делового общения, так и на ситуации неформальной профессиональной коммуникации.

Приведем примеры формулировок таких заданий:

- Выступите перед группой инвесторов с презентацией подготовленного вами бизнес-плана. Примите участие в его обсуждении: аргументируйте эффективность и целесообразность планируемой вами деловой операции.

- Вы с коллегами решили создать свое предприятие. Выберите наиболее привлекательную для вас форму организации бизнеса и обсудите с коллегами свои предложения, аргументируя свой выбор.

Необходимо особо подчеркнуть, что коммуникативные задания, предлагаемые с целью формирования активного словаря

иностранных учащихся экономического профиля, ориентированы не только на устную форму профессионального общения (интервью со специалистом, рабочее совещание, тренинг, заседание совета директоров, встреча с инвесторами и др.). Не менее актуальны письменные жанры деловой речи, образцы которых активно используются как эффективное средство обучения данного контингента учащихся: аналитический обзор информационных материалов, текст-отчет, бизнес-план, протокол рабочего совещания, рекламный текст и др. Отметим, что коммуникативно-ориентированные задания, предполагающие создание иностранными учащимися подобных письменных текстов, развивают у них профессионально значимые речевые навыки и умения, формируют необходимый уровень их коммуникативной компетенции.

Таким образом, как видим, коммуникативный портрет выпускника экономического факультета приобретает новые очертания. Это специалист, который умеет работать с информацией, интерпретировать ее и применять на рабочем месте. Кроме того, он способен формулировать проблему и предлагать пути ее решения, убедительно аргументировать свои тезисы, убеждать собеседника, воспринимать и продуцировать тексты устного профессионального дискурса, прогнозировать события и видеть перспективу развития своей сферы деятельности.

В заключение отметим, что представленная в настоящей статье лингвометодическая концепция формирования профессиональной языковой личности будущих специалистов-инофонов была в течение ряда лет апробирована в процессе обучения иностранных учащихся экономического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова и реализована в учебном пособии «Русский язык для экономистов. Готовимся к профессиональной деятельности» [4].

Библиографический список

1. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: дисс. ...д-ра филол. наук. М., 1984. - С. 350.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.

3. Клобукова Л.П. Феномен языковой личности в свете лингводидактики // Язык. Сознание. Коммуникация. Сборник статей. Вып. 1. М.: Филология, 1997. – С. 25 – 31.
 4. Клобукова Л.П., Нестерская Л.А., Норейко Л.Н. Русский язык для экономистов. Готовимся к профессиональной деятельности. М.: Русский язык. Курсы, 2016. – 160 с.
 5. Половникова В.И. Лексический аспект в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе. М.: Русский язык, 1982. – 105 с.
-
-

Шицзэн Хуан
профессор
Университет Цинхуа
Китай, г. Пекин
e-mail: hsz@mail.tsinghua.edu.cn

Shizeng Huang
professor
Tsinghua University
China, Beijing
e-mail: hsz@mail.tsinghua.edu.cn

Х. Шицзэн
**К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В УНИВЕРСИТЕТЕ
ЦИНХУА**

Аннотация. В данной статье вкратце излагается обучение русскому языку в университете Цинхуа, рассматриваются успехи и проблемы в его развитии на протяжении более 60 лет.

Ключевые слова: обучение русскому языку, успехи и проблемы, университет Цинхуа

H. Shizeng
ON RUSSIAN TEACHING IN TSINGHUA UNIVERSITY

Abstract. This paper is intended to give a brief overview of Russian teaching in Tsinghua university. It examines successes and problems in its development over 60 years.

Keywords: Russian teaching, successes and problems, Tsinghua university

Университет Цинхуа является одним из ведущих вузов Китая. Он был основан в 1911 году. В настоящее время в его состав входят Архитектурный институт, Институт машиностроения, Институт информационной науки и техники, Институт экономики и

управления, Институт естествознания, Гуманитарный институт и др. Всего 54 факультета в 20 институтах.

Факультет иностранных языков и литератур в университете Цинхуа был создан в 1928 году. Будучи одним из престижных факультетов университета, он подготовил немало видных лингвистов, литераторов и переводчиков. В то время на факультете преподавались английский, французский и немецкий языки. После образования нового Китая значительно изменилось положение с обучением иностранным языкам. Русский язык стал единственным иностранным для студентов. Вслед за этим в 1952 году в университете была создана кафедра русского языка, число ее преподавателей возросло до 80 человек. Она стала самой большой в университете. Для удовлетворения насущной потребности университета в подготовке специалистов со знанием русского языка она сразу же открыла различные курсы: обязательные курсы русского языка для студентов, ускоренные курсы для преподавательского состава, интенсивные курсы для молодых преподавателей, выезжающих на стажировку в советские вузы. Для развития разговорной речи студенты сами организовали уголок русской речи, устраивали вечер русского языка. На вечере студенты и преподаватели декламировали стихи А.С.Пушкина, пели русские песни, рассказывали забавные истории. Старшие преподаватели изучали русский язык при наличии особой мотивации, им было крайне необходимо перевести советские учебники и учебные пособия на китайский язык. Тогда интерес к русскому языку охватил весь университет, в нем наблюдался небывалый подъем изучения русского языка, однако такой период расцвета был недолгим. Вскоре к концу 1950-х годов стали выявляться негативные последствия, вызванные односторонней языковой политикой, т.е. исключением других иностранных языков из списка учебных дисциплин. В связи с этим руководство университета приняло решение о восстановлении преподавания английского, французского и немецкого языков, вследствие чего постепенно сокращались масштабы обучения русскому языку. Хотя в то время основным иностранным языком, преподававшимся в университете, стал английский, но обучение русскому языку удавалось сохранить на определенном уровне.

К сожалению, в период «культурной революции» обучение иностранным языкам, в том числе и русскому подверглось грубой и несправедливой критике. Обучению русскому языку был нанесен катастрофический ущерб. Оно оказалось в состоянии полного застоя. Кафедра русского языка была вынуждена остановить работу. Занятия по русскому языку совсем прекратились. Но в эти суровые годы многие преподаватели русского языка все же не расстались со своим любимым делом, их настойчивость и упорство послужили залогом последующего восстановления и развития преподавания русского языка в университете.

По мере проведения политики реформы и открытости в Китае и улучшения китайско-российских отношений преподавание русского языка приобрело новые возможности для развития. Спустя почти двадцать лет, в середине 1980-х годов снова открылись курсы русского языка. Пользуясь благоприятной обстановкой, кафедра русского языка обратила большое внимание на повышение качества преподавания и усиление обмена и сотрудничества с российскими коллегами. Вслед за вступлением Китайской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (КАПРЯЛ) в ряды МАПРЯЛ нашим преподавателям удалось принять участие в международной конференции МАПРЯЛ, ознакомиться с новой тенденцией развития преподавания русского языка за рубежом, что дало нам возможность расширить кругозор в области преподавания РКИ.

В новом веке обучение русскому языку пошло по новому руслу и получило заметный толчок к развитию. Непрерывно совершенствуются методика и технология обучения, регулярно проводятся стандартизованные тесты, постепенно формируется специфика обучения русскому языку в неязыковом вузе. Тем более, успешно развивается учебно-научная деятельность.

На протяжении многолетней учебной практики наши преподаватели-русисты накопили свой опыт работы. Они осознали, что введение однообразного метода обучения не может достичь идеальных эффектов. Они применили своеобразный комплексно-практический метод в сочетании коммуникативного подхода со структурным. Естественно, что язык – средство общения, что при

обучении русскому языку акцент должен быть сделан на развитии коммуникативной компетенции, но без усвоения языкового материала и строя не может быть и речи о коммуникативной компетенции, поэтому более целесообразным и эффективным считается применение на практике комплексно-практического метода. Из-за ограниченного количества учебных часов, выделяемых на курс русского языка в неязыковом вузе, необходимо соединять аудиторные занятия с внеаудиторными. В настоящее время в практику обучения внедряются такие современные технические средства, как компьютер и Интернет. Они дают возможность преодолеть ограниченность времени и пространства в изучении иностранного языка. Новый вид методики преподавания с использованием компьютерных программ имеет большие перспективы развития.

Наряду с учебно-методической работой кафедра русского языка своевременно развернула учебно-научную деятельность. Были разработаны различные программы по русскому языку в разное время и составлены соответствующие учебники и учебные пособия. Еще в первые 1950-е годы она занималась созданием словаря-минимума частотных слов и технических терминов. Результатом этой работы стал «Словарь-минимум по русскому языку для технических вузов (3000 слов)». Далее, в начале 1960-х годов вышли в свет справочные пособия «Грамматический справочник по русскому языку (с упором на научный стиль)», «Русский язык – чтение спецлитературы» и др. Данные издания пользовались большой популярностью среди преподавателей и студентов вузов. Позже, в 1980-е годы в течение ряда лет профессор Хуан Шицзэн руководил созданием двуязычного словаря учебного типа, вместе с коллегами составил и выпустил «Краткий русско-китайский научно-технический словарь (около 25000 слов)» (1987). В 1990-е годы для удовлетворения потребностей страны в дальнейшем расширении связей с внешним миром, в соответствии с запросами современного общества кафедра русского языка совместно с кафедрами других языков работала над созданием многоязычного словаря разговорной речи. В результате на рубеже XX-XXI веков был составлен и издан «Шестязычный справочник-разговорник по международным

контактам (китайско-англо-русско-французско-немецко-японские соответствия)» (1997) под общей редакцией Хуан Шицзэна. Данный многоязычный словарь рассчитан не только на китайских, но и иностранных пользователей. Он позволяет легче овладеть иностранным языком и речью в сопоставлении.

В последнее десятилетие преподаватели-русисты старшего поколения постепенно стали сменяться молодыми. Сегодня заведующей кафедрой русского языка стала молодой профессор Хэ Хунмэй. Она вместе с коллегами провела плодотворную работу по составлению новых серийных учебников и разработке стандартизованных тестов по русскому языку для студентов-нефилологов в Китае. Одновременно с этим кафедра уделила особое внимание повышению квалификации молодых преподавателей, направила их на стажировку или в аспирантуру в российские вузы. Они много работают над собой, принимают активное участие в работе научных конференций, совершенствуют методику преподавания РКИ. Молодые преподаватели нисколько не уступают своим предшественникам.

Более 20 лет наша кафедра сотрудничала с кафедрой русского языка Санкт-петербургского государственного политехнического университета. В рамках межвузовского договора были разработаны программы по русскому языку и подготовлены учебные пособия по обучению чтению, письму, говорению, регулярно происходил обмен преподавателями. Обмен и сотрудничество обеих кафедр активно содействовали развитию преподавания русского языка в университете Цинхуа.

Оглядываясь на прошлое, следует отметить, что путь развития обучения русскому языку на протяжении более 60 лет был неблагоприятным, он двигался зигзагами. Сначала появился подъем изучения русского языка, а затем спад и полный застой. Занятия по русскому языку прервались на примерно двадцать лет. Это была огромная невозвратная потеря времени. В последнее время у нас успехи хотя заметные, но вместе с тем предстоят проблемы и вызовы. Одна из главных проблем -- в очевидном сокращении числа студентов, изучающих русский язык как первый иностранный. Несмотря на столь недовольное положение в реальной ситуации, мы

преподаватели-русисты все еще стараемся распространять русский язык, всячески привлекая интерес студентов к русскому языку и культуре. Например, в Году русского языка в Китае в университете состоялась «Неделя русской культуры», организованная кафедрой русского языка при содействии Союза студентов. В программу мероприятия были включены фотовыставка «Русская культура и современная Россия», показ русских кинофильмов и вечер русского языка. Проведенное мероприятие по популяризации русского языка и культуры пользовалось успехом. Мы глубоко убеждены, что русский язык является одним из важнейших языков в мире, он занимает незаменимое место в международном общении, а также и в системе обучения иностранным языкам вузов. Навстречу предстоящим трудностям, мы по-прежнему стремимся к продвижению обучения русскому языку в университете вперед.

РЕЦЕНЗИИ

Табанакова Вера Дмитриевна
доктор филологических наук,
профессор
Институт филологии и журналистики
Тюменского государственного
университета
Россия, г. Тюмень
e-mail: veratab@inbox.ru

Tabanakova Vera Dmitrievna
Professor, Dr. Sc.
Tyumen State University
Russia, Tyumen
e-mail: veratab@inbox.ru

В.Д. Табанакова

САМОЕ НАСТОЯЩЕЕ ТВОРЧЕСТВО В СТЕРЕОТИПНОМ ФОРМАТЕ НАУЧНОЙ СТАТЬИ МЕЖВУЗОВСКОГО СБОРНИКА

Аннотация. В тексте рецензии предлагается «творческий обзор» 1/5 части всех сборников, с общим количеством статей – 29. Каждая статья представлена в виде «портрета» собственно авторского решения поставленной научной проблемы, оформленного прямыми (без изменений) выдержками из разных частей текста статьи (включая заголовок, ключевые слова и аннотацию). К словам автора добавлен перечень использованных монографических источников, обрамляющих и расширяющих концептуальный фон «портрета». Результаты предпринятого анализа расположены в хронологической последовательности статей

соответствующего сборника. Рецензия нацелена на решение следующих задач: охватить самые красивые, самые ценные, самые новые, и самые значимые идеи; отразить динамику и высокий уровень исследований; оказать бесценный накопленный именно библиографический фонд с пробросом из прошлого и настоящего в будущее.

Ключевые слова: научная статья, научная проблема, авторская интерпретация

V.D. Tabanakova

THE MOST REAL CREATIVITY IN A STEREOTYPIC FRAME OF THE SCIENTIFIC ARTICLE OF THE INTERUNIVERSITY COLLECTION

Abstract. "The creative review" of all the collections 1/5 parts, with total of articles – 29 is offered. Each article is presented as a "portrait" of actually the author's focus on the scientific problem issued by text excerpts (without changes) from different parts of the article (including heading, keywords and the summary). The list of the used monographic sources framing and expanding a conceptual background of "portrait" is added to the author's words. The results of the undertaken analysis are located in the chronological sequence of articles of the corresponding collection. The review is aimed at the solution of the following problems: to cover the most remarkable, most original, innovative, and most significant ideas; to convey dynamics and high scientific level of researches; to render the invaluable saved-up personalized bibliographic fund of the past and the present message to the future.

Keywords: scientific article, scientific problem, author's interpretation

*Научная мысль как проявление
живого вещества по существу
не может быть обратимым явлением –
она может останавливаться в своем
движении, но, раз создавшись и
проявившись в эволюции биосферы,
она несет в себе возможность
неограниченного развития в ходе времени.*

В.И. Вернадский

Когда я решила написать статью, посвящённую двадцати выпускам сборника «Стереотипность и творчество в тексте» (Пермь, 1998–2016), и приступила к близкому знакомству с текстами статей, в голове зазвучал вопрос: «Разве возможно переработать, понять, осознать и вместить весь объём столь сконцентрированной

информации?» Ответ пришел после основательного погружения на глубину лингвистического знания в процессе бесчисленных примерок к решению задачи «как объять необъятное». В основу «сценария» легли следующие субъективно-объективные желания: охватить самые красивые, самые ценные, самые новые и самые значимые идеи; отказаться от оценочного критического анализа традиционного рецензирования; отразить динамику и высокий уровень исследований; показать бесценный именно библиографический фонд с динамикой из прошлого и настоящего в будущее.

Чтобы разрешить противоречия между субъективностью и объективностью своих творческих намерений, актуализирую постулаты экспертной оценки научной статьи. Но «мой сценарий» оказался весьма далёким от постулатов рецензирования, зато и освободил меня от таких формальных параметров оценки, как актуальность, научная новизна, практическая значимость, полнота и достоверность, правильность и точность, целостность, завершенность, логичность, последовательность, аргументация, этика цитирования.

Для меня стало очевидно, что необходимо найти в этой сокровищнице новые мысли и показать нечто неординарное, оригинальное, собственно авторское. Этим «новым» может оказаться тезис, подход, определение, термин, интерпретация, логика изложения, методика, модель, вывод, материал, ракурс. Это «новое», как оказалось, может заключаться в любой части текста: в заголовке, аннотации, ключевых словах, в формулировке цели, постановке проблемы, аналитическом обзоре, в описании результатов исследования, подборе и цитировании научной литературы, в заключительной части и даже в библиографии, которая отражает диапазон научного мышления автора.

Определившись с содержательными параметрами, нужно было установить принципы отбора материала и структуру изложения. Методом «почти» случайного отбора были взяты 4 выпуска, позволяющих проследить начальный, промежуточный и завершающий рубежи: второй за 1999 год, седьмой за 2004, восемнадцатый за 2014 и двадцатый за 2016 год. В этих сборниках

методом сплошной выборки были взяты наиболее близкие мне как терминому статьи раздела по стилистике научного текста. «Творческому обзору» подвергнута пятая часть всех сборников. Каждая статья представлена в виде «портрета» собственно авторского решения поставленной научной проблемы, оформленного прямыми (почти без изменений) выдержками из разных частей текста статьи (включая заголовок, ключевые слова и аннотацию). К цитируемым фрагментам добавлен перечень использованных монографических источников, обрамляющих и расширяющих концептуальный фон «портрета». Результаты предпринятого анализа расположены в хронологической последовательности сборников статей.

Выпуск 2. – 1999 г.

Е.В. Левченко. Уровни развития научной идеи и их отображение

в тексте. Изучение филогенеза идеи отношения позволило получить шкалу уровней обобщения, обнаруживающихся при анализе изменений в статусе понятия «отношение» в хронологической совокупности текстов по психологии. С этой шкалой можно сопоставлять результаты разработки идеи отношения отдельными авторами, определяя индивидуальный уровень достижений.

Динамика уровней обобщения может быть рассмотрена как отображение в текстах динамики мышления ученого, которой присущи, как свидетельствуют эмпирические данные, следующие закономерности. 1. Для развития мышления начинающего ученого важны особенности мышления его учителей, та предельная высота обобщения, которую они достигают и способны удерживать. 2. Достижение предельной (по общей шкале уровней) высоты обобщения – показатель высокого уровня развития мышления. По-видимому, поддержание этого уровня требует значительных энергетических затрат, вследствие чего после его первичной фиксации наблюдается временное возвращение к нижележащим уровням. 3. Наиболее высокий уровень обобщения может достигаться в пожилом возрасте. 4. Последующее возвращение от предельно высокого уровня обобщения к более низкому может

объясняться инволюцией не только собственно мышления, но и тех механизмов, которые осуществляют энергетическое обеспечение его работы.

Выготский Л.С. Мышление и речь // В кн.: Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М., 1956.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.

Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Москва–Томск, 1997.

М.Н. Кожина. Некоторые аспекты изучения речевых жанров в нехудожественных текстах.

Лишь в самое последнее время стали появляться работы по речевым жанрам (РЖ) научных текстов. В качестве актуальных и наименее исследованных, на наш взгляд, в жанроведении отметим следующие аспекты: собственно социолингвистический – и вместе с тем речеведческий, а значит, и аспект диалогичности в отношении РЖ; проблему изучения первичных жанров в структуре вторичных (как целых высказываний в пределах, произведений научной литературы); нерешенные проблемы, сложность и подходы к исследованию стереотипичности научных текстов в аспекте РЖ.

Здесь встают вопросы как теоретического, так и методического плана. Каковы первичные (по номенклатуре) РЖ научной речи, из которых и строятся научные тексты? Интуитивно они воспринимаются, но зафиксированные стереотипные единицы – это всего лишь «каркасные» связующие средства. Далее. Все ли пространство научного текста покрывают первичные высказывания? Как преобразуются и как функционируют первичные РЖ в составе вторичных? Эти вопросы требуют специального изучения, в том числе посредством анализа фактического материала большого объема и, безусловно, комплексными методами. Таким образом, проблема первичных и вторичных РЖ значительно усложняется, а бахтинское утверждение, что «мы говорим речевыми жанрами», пока все же остается гипотезой.

В качестве одного из ориентиров анализа этой проблемы может служить, по-видимому, опора на другую (правда, также достаточно сложную и малоисследованную) проблему – динамики в научном

тексте старого и нового знания. Может быть, в аспекте диалога этих «компонентов» знания, связанного со сменой речевых субъектов, можно будет определить первичные, устойчивые именно для научной сферы высказывания (поскольку первичные РЖ обиходной речи в качестве таковых здесь не могут выступать); либо – внести коррективы и дополнения в бахтинский вопрос о первичных и вторичных РЖ (применительно к научной сфере общения). Очевидно, в качестве конструктивного принципа при определении первичных устойчивых речевых единиц в научной сфере (письменных целых текстах) все же должны выступать законы познания и научной деятельности.

Пока же в плане исследования стереотипности письменной научной речи (сбора материала и его систематизации) может быть предложена опора на текстовые категории – ФССК оценки, гипотетичности, проспекции, ретроспекции, некатегоричности выражения и, конечно, диалогичности (устойчивые формулы оценки, гипотетичности и т.д.), а также исследование композиционных схем-структур целых научных текстов. И, конечно, – активизация изучения вопроса о своеобразии вторичных жанров научной литературы (монография, статья, реферат, обзор, рецензия, патент и т.д.) в сопоставительном плане, помогающем лучше высветить стереотипное и «свободное» в научных текстах.

Мы не ставили в этом разделе статьи своей задачей более или менее подробное рассмотрение названной проблемы, а лишь стремились показать ее «болевые точки», поставить некоторые вопросы.

Комментарий: В данной статье по существу сформулирована программа научных исследований этого направления, развёртку которой можно проследить во всех последующих сборниках.

Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978.

Дементьев В.В., Седов К.Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов, 1998.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Кожина М.Н. Диалогичность письменной научной речи. Пермь, 1986.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. М., 1989.

В.А. Салимовский. Речевые жанры научного эмпирического текста. Получило подтверждение предположение о том, что в процессе текстовой деятельности типовая коммуникативно-познавательная цель автора речевого произведения, реализуясь относительно устойчивой системой более частных целей, обуславливает тематическую макроструктуру и суперструктурную схему речевого жанра, в то время как содержание совершаемых коммуникативно-познавательных действий определяет отбор и использование лексических, фразеологических и грамматических средств языка, иначе, своеобразии стилистико-речевой организации жанра.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993.

Лариохина Н.М. Вопросы синтаксиса научного стиля речи. М., 1979.

Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.

Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. М., 1978.

Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1995.

Е.А. Баженова. Политекстуальность научного текста. Предметом данной работы является обоснование системного характера смысловой структуры целого научного текста в аспекте ее детерминированности экстралингвистическими факторами научной деятельности

В качестве типовой единицы смысловой структуры текста понимается субтекст, детерминированный комплексом экстралингвистических факторов научного стиля. Субтекст – это фрагмент целого текста, реализующий в нем один из аспектов

эпистемической ситуации (онтологический, методологический, аксиологический, рефлексивный или коммуникативный), имеющий свой денотат, выполняющий текстообразующую функцию и обладающий определенной целеустановкой, в соответствии с которыми сформировано внутренне и внешне организованное относительно самостоятельное смысловое целое. Членение целого текста на субтексты, т. е. его политекстуальность, обусловлено самим процессом создания линейной структуры текста, являющейся речевой «проекцией» многомерной структуры эпистемической ситуации.

Андреев И.Д. Теория как форма организации научного знания. М., 1979.

Глушко М.М. Синтактика, семантика и прагматика научного текста. М., 1977.

Каменская О.Л. Текст и коммуникация. М., 1990.

Карцев В.П. Социальная психология науки и проблемы историко-научных исследований. М., 1984.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск, 1991.

Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983.

А. Стоянович. Стереотипные компоненты архитектоники научного текста. Важным выводом исследования является тот факт, что в архитектоника и логика изложения материала в текстах строятся не по дидактическим принципам (от простого к сложному, от известного к новому) и совершенно не по законам исследовательского процесса, а, наоборот, они в значительной степени обусловлены природой описываемого объекта, подчиняясь механизму действия особого алгоритма.

Троянская Е.С. Лингвостилистическое исследование немецкой научной речи. М., 1982.

Л.М. Алексеева. Стереотипное и индивидуальное в научной метафоре. Исследование показало, что в основе процесса порождения научных текстов лежит механизм метафоризации. В теории метафоры имеется достаточно оснований рассматривать метафоризацию как одну из лингвистических универсалий, как

основное средство формирования научного представления о реальной действительности.

... основополагающим для развития концепции научной метафоризации является понятие об универсальности метафоризации, обусловленной как спецификой познавательной деятельности человека, так и современным характером науки, заключающимся в известной аппроксимации методов и выводов исследования, что делает вполне закономерными рассуждения о статусе метафоры в качестве компонента научной мысли и методологии. Универсальный характер метафоры основывается на ее непрерывности в текстовом пространстве, что обуславливает ее стереотипность и дает возможность выявить общие закономерности функционирования метафоры в тексте.

... именно понятие референции является наиболее адекватной категорией для рассмотрения противоречия научной метафоры: стереотипности и в то же время индивидуальности, поскольку референтные отношения являются единственно доступными непосредственному наблюдению компонентами механизма научной метафоры.

... сущность механизма научной метафоры (в общенаучном смысле) заключается в представлении его как процесса идеализации, абстрагирования и моделирования реальности, когда в качестве мыслительного образа используется любой уже знакомый объект.

Комментарий: Тексты Л.М. Алексеевой, М.Н Кожинной и М.П.Котюровой сложно сокращать, поскольку этим текстам присущи высокая концентрация и очень большая плотность авторского творчества.

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.

Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. Труды МИФЛИ, филологический факультет. М., 1939.

Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое. Метафора в языке и тексте. М., 1988.

Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.

- Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961.
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1985.
- Дэвидсон Д. Что означает метафора. Теория метафоры. Москва, 1990.
- Кулиев Г.Г. Метафора и научное познание. Баку, 1987.
- Подколзина Т.А. Метафора и парадокс в английской терминологии. АКД. М., 1994.
- Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983.
- Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976.
- Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990.
- Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира, Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
- Теория метафоры. М., 1990.
- Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994.

Выпуск 7. – 2004 г.

К.Э.Штайн. Культурное достояние России: Пермская научная школа функциональной стилистики.

Комментарий. Заявленная в заголовке тема определяет целостность текста статьи и не позволяет его сокращать.

Кун Т. Структура научных революций. М., 2001.

А. Стоянович. К общим закономерностям диффузии стилей.

Общая закономерность найдена нами в том, что текст как биосоциальный объект (включая феномен диффузии функциональных стилей) функционирует по универсальному принципу живого организма. Потому принцип этот (известный с 30-х гг. XX века под названием «взаимоСОдействие») можно предложить в качестве общего методологического ориентира при исследовании текста и человеческого фактора в языке.

Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. Принципы системной организации функций. М., 1973.

Лапп Л.М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора "субъект речи". Иркутск, 1993.

Н.В. Данилевская. Аргументативные действия в рамках познавательной оценки. Необходимо подчеркнуть, во-первых,

смыслоорганизующую роль объясняющих оценочных действий аргументативной оценки в формировании авторской концепции, во-вторых, их текст-строительную функцию в процессе выражения нового знания, в-третьих, конструктивное значение таких оценочных действий в процессе поиска и развертывания аргументации нового научного знания, а также, в-четвертых, их непосредственное участие в динамике чередования компонентов знания в качестве ментальных "кирпичиков" построения целостного здания научной теории.

В.Е. Чернявская. Научное познание — «власть дискурса» (лингвистическое осмысление преждевременных научных открытий). Проблема, выносимая здесь на обсуждение: в какой степени дискурс как совокупность всех текстов, выступающих языковым коррелятом по отношению к наличному научному знанию, а равно и эпистемических условий и принципов текстопорождения в данный исторический период, способен управлять "подключением" к этой текстовой системе других высказываний/текстов. В этой проблеме, находящей свое осмысление с гносеологических, культурно-социологических, идеологических позиций, мы выделяем лингвистический аспект, обращаясь к закономерностям текстообразовательной деятельности в языке науки.

Е.В. Левченко. О первичных и вторичных свойствах текста. Тенденция движения от объектного стиля мышления к учету субъекта в картине знания побуждает приступить к поиску вторичных свойств текста, проанализировать, что реально вносит Читатель во взаимодействие с текстом.

... при взаимодействии с текстом у субъекта актуализируются категории восприятия, в соответствии с которыми происходит приписывание тексту некоторых устойчивых характеристик. Последние и могут быть обозначены как вторичные, или субъектно-объектные, свойства текста. От первичных свойств они отличаются тем, что отражают существенные свойства *приписывания* субъектом свойств тексту. При этом несущественна правильность или неправильность приписывания — важна лишь его устойчивость, повторяемость, воспроизводимость. Текст же выступает лишь как повод для приведения в действие какого-то неизвестного нам механизма, который всегда срабатывает, если субъект

взаимодействует с текстом. При первичном взаимодействии человек скользит взглядом по поверхности текста: производится его общая оценка, категоризация обобщенных признаков как формы, так и содержания, а также принятие решения о том, будет ли осуществляться погружение в текст. Именно такой тип взаимодействия с текстом становится доминирующим в современном обществе.

Каков полный набор вторичных свойств текста? Какие из них запрашиваются субъектом при взаимодействии с текстом чаще, какие — реже? Насколько устойчивыми они являются? Чувствительны ли они к жанру текста и предметной области, представленной в нем, и в какой степени? Найти ответы на эти вопросы и поставить новые позволят дальнейшие эмпирические исследования восприятия текста.

Л.С.Гиренко. Один из возможных путей изучения плотности научного текста. Благодаря взаимосвязи исходных и уточняющих компонентов, составляющих основное знание, можно судить о малейшем уплотнении научного знания. Контекстуально-смысловой подход при изучении уплотнения научного текста позволяет увидеть развитие научного знания (с учетом его развертывания или свертывания) на основе разных способов уплотнения содержания и смежности значений лексических единиц в тексте. Данный подход к изучению плотности текста представляется целесообразным и правомерным, так как предполагает функционально-семантический аспект исследования (анализ лексемы в минимальном контексте и сохранение ее семантических связей с целым произведением).

М.П.Котюрова. Культура письменной научной речи: стереотипность и творчество. Содержанием научного текста является научное знание — всегда фрагментарное, представленное в виде объемного, многомерного, но в то же время композиционно целостного конструкта.

В заключение особо подчеркнем исходную мысль о трех типах моделей целостности содержания текста: голографической, ориентированной на специфическое, а именно эпистемически *членимое* содержание научного текста; континуальной, акцентирующей именно эпистемическую нерасчлененность

содержания текста (научного знания); дискретно-логической, объединяющей различные компоненты содержания текста как на формально-логической основе, так и на эпистемической (научно-познавательной).

Выпуск 18. – 2014 г.

Т.М. Цветкова. О ситуации познания, субъекте исследования, практике научного письма. В статье показана продуктивность понятия «эпистемическая ситуация», предложенного М.П. Котюровой, для изучения и описания научного текста.

Отмечается ряд важных положений, связанных с созданием текста и психологической интерпретацией возникающих речевых «неправильностей».

В качестве перспективы предлагается создать антологию, в которую вошли бы наиболее интересные исследования по научному стилю, речи, дискурсу.

Ключевые слова: развитие модели эпистемической ситуации.

Комментарий: в статьях этого сборника авторские термины включены в перечень ключевых слов.

Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации. М., 2009.

Николаева Т.М. Опыт классификации учёных: метод-объект. М. 1990.

Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб., 2004.

Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М., 2011.

В.Е.Чернявская. Ценностное измерение науки. На дискуссию выносятся вопросы о роли норм, регулирующих поведение членов научного сообщества, в том числе императивов научного этоса, сформулированных Р. Мертоном, о соответствии им «реакции ожидания», т.е. оценок и отношения со стороны общества, на которые должен рассчитывать учёный, добиваясь научного признания.

Бернатосян С.Г. Воровство и обман в науке. СПб., 1998.

Бухбиндер А. Загадочная история Григория Перельмана. (Электронное издание).

Котюрова М.П. Актуализация преемственности знания в научном тексте // Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь, 1996.

Мейен С.В. Принцип сочувствия. Размышления об этике и научном познании. М., 2006.

З.И.Комарова. Семантизация термина в научном тексте. Статья посвящена кардинальной межнаучной проблеме – определению семантики терминов в научном тексте. Уточняется метаязык, необходимый для решения проблемы. Проводится анализ способов и средств семантизации терминов в тексте Н.И. Вавилова, содержащем монографическое исследование ключевого терминированного понятия *селекция*. Итогом анализа является введение нового метаязыкового понятия – *рассредоточенная доопределяющая семантизация*.

Бабосов Е.М. Социология науки. Минск, 2009.

Буянова Л.Ю. Терминографическая деривация в языке науки: когнитивность, семиотичность, функциональность. Ставрополь, 2010.

Маслова В.А. Современные направления в лингвистике. М., 2008.

Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики. М., 2010.

Новая философская энциклопедия: в 4-х т. М., 2010.

М.П.Котюрова. О слабых позициях речевой нормы в научных текстах (погрешности – новые речевые явления). Ключевые слова: слабая стилевая позиция, слабая текстовая позиция, контекстуальный принцип восприятия текста

Поставим взаимосвязанные задачи: 1) установить *слабые позиции* речевой (текстовой) нормы; 2) соотнести явления речевой нормы с погрешностями, которые легко компенсируются в результате действия *контекстуального принципа* восприятия текста; 3) применить контекстуальный принцип восприятия текста и дифференцировать *ошибки* и *погрешности*, допущенные в тексте.

Рябцева Н.К. Прикладные проблемы переводоведения. Лингвистический аспект: учебное пособие. М., 2013.

В.В.Дементьев. «Британские учёные установили...»: юмористический образ «науки» в современных русских анекдотах. В статье рассматривается «юмористический образ науки» («научной точки зрения»). На материале около 800 текстов анекдотов анализируется конкретное содержание и роль данного образа в различных анекдотах, а также выделяется несколько основных типов анекдотов, в том числе этнического и политического содержания.

Выпуск 20. – 2016 г.

М.П.Котюрова. Об эталонном научном тексте.

Поставлен вопрос о статусе понятия *эталонного научного текста*: обозначает ли термин реальный научный текст или абстрактное понятие, необходимое в методологическом отношении, – как идеал, эталон, образец. *Эталонный научный текст* понимается как совокупность свойств текста, *каждое* из которых может быть эксплицировано в качестве доминирующего, сформированного по своим правилам, как эталонное, поэтому может соответствовать *хорошему научному тексту*.

Понятие *эталонного научного текста* – чисто научное понятие, значит, абстракция, которую можно иметь в виду лишь при изучении текста, а не в процессе его порождения. Совокупность свойств текста, *каждое* из которых может быть выверено как доминирующее, важное, сформированное по своим правилам, может соответствовать хорошему научному тексту, который обладает определёнными эталонными свойствами.

Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М., 2002.

Викторова Е.Ю. Вспомогательная система дискурса: монография. Саратов, 2015.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. М., 2007.

Потебня А.А. Мысль и язык. М., 1999.

В.Д.Табанаква. Предикативный потенциал заголовка научного текста. Заголовок рассматривается как самостоятельный текст, который в сжатой, свёрнутой форме предлагает авторскую постановку научной проблемы и методы её решения. В результате анализа установлено несколько способов и форм выражения эксплицитной и имплицитной предикативности. Средства выражения

предикативности определены как формальные, стереотипные, и неформальные, творческие. Максимальным потенциалом предикативности в тексте заголовка научного текста обладают авторские номинации.

Ключевые слова: авторская номинация

Жинкин Н.И. (Избранные труды) Язык – речь – творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М., 1998.

Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учебное пособие. М., 2008.

Мирошниченко А.А. Работа в пресс-службе. Журналистика для пресс-секретарей. М., 2012.

Сабурова Н.В. Заголовочная игра слов как смыслоформирующий механизм текста (на примере англоязычной публицистики). АКД. СПб., 2007.

Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. М., 2002.

Табанакова В.Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу: монография. Тюмень, 2013.

Н.С. Милянчук. Смягчение резкости, неожиданности формулировки в русской научной речи. Единицы, смягчающие резкость, неожиданность формулировки, не влияют на представление пропозиции высказывания и не участвуют в регулировании степени «энергичности» иллюкутивного акта, тем не менее снижают категоричность высказывания, сигнализируя о том, что сам говорящий оценивает своё высказывание как недостаточно сдержанное.

Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М., 1986.

Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток, 2002.

Т.М. Цветкова. Некоторые замечания о теме «научный стиль» в курсе «культура речи» в нефилологической аудитории. Проблему обучения научной речи следует, по-видимому, решать, выделив её в особый курс, отличительной чертой которого должен быть междисциплинарный, межпредметный характер, а основной целью – обучение созданию профессионально адекватных научных текстов. Несомненно, это потребует продуманного подхода к отбору

и организации материала, к методике преподавания и практике обучения научной речи, для чего необходимо разрабатывать соответствующие учебные планы, программы, рабочие материалы, пособия, словари. Такой курс можно было бы назвать «Основы научной работы и культура научной речи» (или «...риторика научной речи») – название, безусловно, громоздкое, но достаточно понятное, в нём нет претензий на новое дидактическое слово, оно не даёт обещаний обучить до «академических высот».

Базылев В.Н. Академическое «письмо» (Теоретический аспект). М., 2016.

Базылев В.Н. Академическое «письмо» (Методический аспект). М., 2016.

Базылев В.Н. Академическое «письмо» (Дидактический аспект). М., 2016.

Данилевская Н.В. Роль оценки в механизме развёртывания научного текста. Пермь, 2005.

Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М., 1980.

Колесникова Н.И. От конспекта к диссертации. М., 2002.

Котюрова М.П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск, 1988.

В заключение необходимо сказать, что в статье была затронута лишь очень малая доля богатства живой научной мысли, накопленного и щедро рассыпанного по двадцати выпускам сборника. И можно только пытаться представить себе, сколько прекрасных идей, сформулированных его авторами, ещё предстоит осознать и разработать в ближайшем будущем последователям Пермской научной школы.

Ясно, что поддержание высокого научного уровня сборника определяется, с одной стороны, научным уровнем публикуемых статей, с другой – качеством их рецензирования и редактирования. В отношении научного сборника «Стереотипность и творчество в тексте» невозможно переоценить самоотверженный и высокопрофессиональный, достойный восхищения труд его главного редактора Марии Павловны Котюровой.

Завершим статью цитатой из творчества В.И. Вернадского: «Чем выше стоит научная мысль, тем больше расцвет научного знания, тем глубже и полнее проведено это основное условие научного творчества».

ХРОНИКА

Лесневска Димитрина Спасова
доктор филологии, доцент
Университет национального и
мирового хозяйства
Болгария, г. София
e-mail: demetra3@gmail.com

Lesnevskia Dimitrina Spasova
Associate Professor, Ph.D.
University of National and World
Economy
Bulgaria, Sofia
e-mail: demetra3@gmail.com

Левушкина Ольга Николаевна,
доктор педагогических наук, профессор
Федеральное государственное
бюджетное Образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Московский педагогический
государственный университет»
начальник Управления
межрегионального
сотрудничества, Россия, г. Москва
e-mail: Levushkinaon@mail.ru

Levuchkina Olga Nikolaevna,
Professor, Dr. Sc.
Moscow State University of Education;
Chief of Management of interregional
Cooperation, Russia, Moscow
e-mail: Levushkinaon@mail.ru

Д.С. Лесневска, О.Н. Левушкина

55-ОЕ СОБРАНИЕ СЛАВИСТОВ СЕРБИИ

Аннотация. Статья посвящена крупному событию в международной жизни славистов – 55-ому собранию славистов Сербии. В статье излагается ход конференции, в частности более подробно описана работа методической секции.

Ключевые слова: общество славистов Сербии, Национальный симпозиум, Белградский университет, болгарская русистика

D.S. Lesnevskia, O.N. Levushkina
55TH MEETING OF SLAVISTS IN SERBIA

Abstract. The article is devoted to the great event in the international life of Slavists – 55-th meeting of Slavists in Serbia. The article describes the course of the conference, in particular, describes in more detail the work of methodological section.

Keywords: Slavic society of Serbia, National Symposium, University of Belgrade, Bulgarian Rusistics

С 30 по 31 января 2017 г. на Филологическом факультете Белградского университета состоялся Национальный симпозиум с международным участием «**Славистические исследования: достижения и перспективы**». Был проведен также Семинар повышения квалификации преподавателей русского языка, традиционная Зимняя школа.

Организатором симпозиума являлось Общество русистов Сербии. В качестве соорганизатора симпозиума выступил Центр научного и инновационного сотрудничества (ЦНИС) «Вершина познания», Тюмень, РФ.

Национальный симпозиум с международным участием был торжественно открыт председателем Общества славистов Сербии проф. *Ксенией Кончаревич*. После официальных приветствий состоялось награждение Премией имени *Павле и Милки Ивич*, Премией имени *Радована Кошутича*, а также Почетными грамотами Общества славистов Сербии. Слово было предоставлено проф. *Петру Буняку*.

В симпозиуме приняли участие слависты из Сербии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Грузии, Македонии, России, Словакии, Франции, Чехии. На симпозиуме были обсуждены вопросы развития и функционирования славянских языков. Было уделено внимание методике преподавания русского языка.

Пленарное заседание было открыто докладом проф. *Богдана Косановича* (Нови Сад), далее выступили доц. *Александра П. Ушакова* (Тюмень), проф. *Ксения Кончаревич* (Белград) и др.

Болгарскую русистику представляли доц. д-р *Димитрина Лесневска* «Метод контрастивного изучения моделей речевого поведения в обучении РКИ»; *Елица Миланова* «Балканская лексика о мифических существах в зеркале русского языка»; проф. д-р *Лиляна Цонева* «Отражение актуальных политических тем и событий в российских СМИ» – заочное участие.

30-го января в читальном зале кафедры славистики Филологического факультета Белградского университета было проведено первое заседание III Секции, посвященное методике преподавания русского языка. Модератором Секции была доктор педагогических наук, профессор *Людмила М. Федоряк* [2] – директор Центра научного и инновационного сотрудничества (ЦНИИС) «Вершина познания», Тюмень, РФ, главный редактор журнала «Образование и качество жизни». В третьей секции выступили *Михаил А. Штудинер* (Москва) [3], *Людмила М. Федоряк* (Тюмень), *Димитрина С. Лесневска* (София), *Вучина Раичевич* (Белград), *Надежда Стоянович* (Ниш), *Ружица Радойич* (Белград), *Марияна Паприч* (Белград), *Елена Михайлович* (Баня-Лука). Были представлены различные аспекты преподавания РКИ: проблемы вариативности в преподавании, использование технологии проблемно-модульного обучения, преподавание научного стиля русского языка, формирование лексической компетенции в рамках профессионального русского языка международного туризма, изучение моделей речевого поведения при обучении деловому языку и др.

31 января в Русском центре Белградского университета состоялось второе заседание III Секции, модератором которого была *Ольга Н. Левушкина*, профессор Московского педагогического государственного университета, доктор педагогических наук. В секции выступили *Валентина В. Решетникова* (Москва), рассказав о типологии и особенностях использования ролевых игр на занятиях по РКИ; *Елизавета В. Гусева* (Москва) рассказала о результатах исследований, показавших, какие приемы и способы обучения русскому языку предпочитают современные студенты, *Майя Павлович-Шайтинац* (Белград) рассказала о принципах составления учебных словарей, *Мария Бакич*, *Ана Спремич* (Белград) выступила на тему: «Развитие учебных компетенций XXI века (на уроках русского языка)». *Ольга Н. Левушкина* ознакомила участников секции с проблемой формирования культуры пользования словарями, её социальной и методической сторонами и проиллюстрировала основные положения наиболее интересными и востребованными приемами, позволяющими решать данную проблему.

В РЦНК «Русский дом в Белграде» состоялся семинар для преподавателей русского языка «Зимняя школа – 2017» на тему «Повышение профессиональной квалификации и организация процесса преподавания». В работе с сербскими преподавателями русского языка в рамках традиционной Зимней школы профессор *Ольга Н. Левушкина* провела занятие на тему «Современные подходы к работе со словом и текстом на уроках русского языка».

Осветив основные научные направления в методике преподавания русского языка, связанные с работой со словом и текстом, профессор обратила внимание и на социальные аспекты этой важной работы преподавателей. Были продемонстрированы наиболее действенные приемы включения вопросов формирования культуры работы со словарями в круг интересов школьников, учителей, родителей, библиотекарей, выявленные в ходе реализации социального словарного проекта. Это большой Всероссийский проект «Родное слово: Всероссийский молодежный словарный марафон» 2017 года, который проходит в России уже третий год и приобрел большую популярность как в России, так и за рубежом. Проект третий год поддерживается грантом Президента Российской Федерации на основании конкурса, проведенного Общероссийской общественной организацией «Российский союз молодежи», что говорит о его социальной значимости. Мероприятия проекта интересны широкому кругу носителей русского языка, это различные конкурсы и общественные акции, связанные с русским языком и словарями. В них к 2017 году принимало участие около 20 000 человек.

Одно из традиционных мероприятий проекта – конкурс «Словарная столица России», в рамках которого создаются словарные проекты. Это авторские (индивидуальные, групповые и коллективные) работы, связанные с созданием собственной концепции, позволяющей решить проблему формирования культуры работы со словарями. В 2017 году тема этого конкурса – «История в слове и слово в истории». Большим мероприятием, проходящим в рамках проекта, является «Пушкинский диктант» - общественная акция, которая ежегодно проходит 6 июня (в день рождения А.С. Пушкина, ставший в России официальным праздником – Днем

русского языка) и объединяет не только российских, но и зарубежных любителей русского языка и творчества великого русского гения. Профессор *Ольга Н. Левушкина* [1] пригласила преподавателей русского языка Сербии и Болгарии принять участие в конкурсе «История в слове и слово в истории» и в акции «Пушкинский диктант».

Прошедшее 55-ое Собрание славистов Сербии стало значительным событием научной и культурной жизни славистов всего мира.

Библиографический список

1. Левушкина О.Н. Актуальные конкурсы по русскому языку для школьников, студентов и педагогов // Русистика без границы. – 2017. – С.144 – 151. <http://www.rusistikabg.com/>
2. Федоряк Л.М. Современные технологии обучения русскому языку: принципы построения, структура, подходы к применению //Русистика без границы. – 2017. – С.111 – 118. <http://www.rusistikabg.com/>
3. Штудинер М.А. Словарь образцового русского ударения. – М.: Айрис-пресс, 2014. – 576 с.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В БОЛГАРИИ

Иванова Неля Стефанова
доктор филологии, профессор
Университет имени
профессора доктора Асена Златарова
Болгария, г. Бургас
e-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

Ivanova Nelya Stefanova
Professor, Ph.D.
Asen Zlatarov University
Bulgaria, Burgas
e-mail: nelya_ivanova@yahoo.com

Н.С. Иванова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕРТИФИКАТ «РУССКИЙ – ЭКЗАМЕН – ТУРИЗМ» В БОЛГАРИИ

Аннотация. Студенты Университета им. Асена Златарова, обучающиеся по специальности «Туризм», уже 10 лет успешно защищают первый и второй уровни нового международного сертификата РЭТ (Русский – Экзамен – Туризм), удостоверяющий владение русским языком в сфере международного туристского

бизнеса. Этот факт значим с точки зрения целенаправленной работы молодых людей по отношению своего будущего профессионального развития, как показатель качества обучения русскому языку в Университете и, не на последнем месте, своим пионерским статусом в Болгарии, так как экзамен на этот сертификат был проведен впервые в мире за пределами России.

В статье рассматривается функциональная характеристика нового сертификата РЭТ и дается информация об учебной системе РЭТ.

Ключевые слова: международный сертификат, «Русский – Экзамен – Туризм», Университет им. Асена Златарова – Бургас

N.S. Ivanova

INTERNATIONAL CERTIFICATE «RUSSIAN – EXAM – TOURISM» IN BULGARIA

Abstract. The paper presents one new certificate in Russian as a foreign language: Russian – Examination – Tourism. It draws the frame of reference associated with this certificate and reveals the whole conception of learning Russian for the career in the international tourism industry.

The questions analyzed here are connected with the Russian language teaching at Assen Zlatarov University in Bourgas, Bulgaria.

Keywords: certificate, Russian – Exam – Tourism, Assen Zlatarov University – Bourgas

Новые реальности в мире подтвердили необходимость в высокообразованных людях, которые смогут развиваться самостоятельно на протяжении всей жизни, применять свои знания и умения в интернациональной среде, работать эффективно в интернациональных коллективах в соответствии с объективно установленными международными стандартами.

Система сертификатов, которые удостоверяют коммуникативную компетенцию своих владельцев, являются проекцией современных европейских требований к обучению иностранным языкам в XXI веке.

Наиболее ценные качества этой системы заключаются в том, что она ориентирована на практику, на валидность в национальной (в отдельной стране) и интернациональной среде (за рубежом), не только на личную жизнь, но и на профессиональную реализацию, повышая шансы и улучшая конкурентоспособность владельцев этих авторитетных документов на рынке труда.

Сегодня профессиональная карьера в сфере международного туризма – одна из самых привлекательных для молодых людей, потому что масштабы и динамика современного туризма уникальны.

По данным Всемирной туристской организации (UNWTO), совокупный доход от международного туризма в 2014 году составил \$1,5 трлн, тем самым превысив рекорд предыдущих лет. Согласно ежегодному отчету UNWTO, доход от международного туризма в 2014 году увеличился на \$48 млрд или 3,7%. Кроме прибыли от международного туризма, туристическая индустрия также приносит экспортные поступления посредством оказания услуг по международным пассажирским перевозкам (предоставляемых нерезидентам). Суммарный доход от пассажирских перевозок в 2014 году равен, по оценкам, \$221 млрд., благодаря чему, общая сумма поступлений от международного туризма достигла \$1.5 триллиона или в среднем \$4 млрд. в день. В 2016 г. спрос на международный туризм, несмотря на трудности, не уменьшается: число международных туристов возросло на 48 миллионов человек по сравнению с предыдущим годом [4].

Показательна способность сектора стимулировать экономический рост, экспорт и создавать рабочие места. На долю международного туризма (туристические расходы и пассажирские перевозки) приходится 30% мирового экспорта услуг и 6% от общего объема экспорта товаров и услуг. Туризм, как экспортная категория, занимает 4-е место в мире после экспорта топлива, химикатов и продуктов питания, а в многих странах – первое место.

Квалифицированные позиции на этом огромном рынке труда требуют получения солидного образования и формирования компетенций в самых разнообразных видах экономической деятельности: маркетинговой, производственной, инновационной, инвестиционной, финансовой, правовой, посреднической и мн.др., имеющих к туризму самое непосредственное отношение. Университеты сегодня предоставляют очень обширную теоретическую и практическую подготовку для будущих специалистов в области туризма и заботятся об формировании их профессиональной квалификации.

Приоритетным направлением в этой подготовке является обучение иностранным языкам, а их определенное сочетание в языковом портфеле каждого студента является мощным мотивационным стимулом для изучения и основанием для построения стратегии успешной реализации в сфере международного туризма. Этой стратегии подчиняется изучение русского языка в качестве первого или второго языка в сочетании с другими иностранными языками, и в условиях его университетского изучения очень важными являются вопросы и критерии объективной оценки и самооценки знаний и умений студентов. Сертификаты **РЭТ (Русский – Экзамен – Туризм)** призваны решить эти вопросы, и в Университете имени проф. д-ра Асена Златарова в Бургасе (Болгария) студенты, изучающие русский язык в специальности „Туризм», успешно сертифицируют свои знания.

С первой сессии РЭТ в г. Бургасе прошло 10 успешных лет, но она запомнится и студентам, и комиссии из России своим пионерским статусом – экзамен на сертификат РЭТ был проведен в Бургасе впервые в мире за пределами России.

Что характерно для сертификатов РЭТ?

Сертификаты были разработаны в 2005 – 2007 году специалистами Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (г. Москва, Россия) для сферы международного туристского бизнеса. Они удостоверяют *три уровня владения русским языком*, что соответствует универсальным европейским критериям по отношению к формируемой коммуникативной компетенции в иностранных языках:

РЭТ – 1 соответствует уровню **A2** Общеевропейской языковой рамки Совета Европы. Он удостоверяет владение русским языком в устной и письменной форме на ограниченном материале стереотипных, актуальных для туристской деятельности ситуаций.

Его адресат – персонал туристских комплексов (администраторы, спортинструкторы, сопровождающие, аниматоры, медперсонал, турагенты), вступающий в непосредственный контакт с туристами [1].

РЭТ – 2 отвечает уровню **B1**. Кандидат свободно пользуется языком в актуальных для него ситуациях, хотя и допускает известные

неточности и ошибки в общении, владеет определенным объемом специализированной лексики.

РЭТ-2 предназначен для менеджеров среднего звена туристских фирм, имеющих деловые контакты с русскоязычными туристами (например, при оформлении тура) и партнерами по бизнесу [2].

РЭТ – 3, согласно европейским требованиям, это уровень **B2/C1**. Кандидат пользуется русским языком для эффективного исполнения своих служебных обязанностей: он находит выход в трудных случаях понимания и передачи информации; его речь отличается спонтанностью.

РЭТ 3 адресован сотрудникам высшего звена турбизнеса, туроператорам, организующим туристские потоки и ведущим деловую коммуникацию в устной и письменной форме с российскими партнерами [3].

Сертификат РЭТ является ценностью не только сам по себе: он представляет *целостную концепцию изучения русского языка как иностранного* для целей туризма.

Разработаны и созданы *Учебные комплексы по русскому языку как иностранному в сфере международного туристского бизнеса РЭТ-1, РЭТ-2, РЭТ-3, а также РЭТ 0 для начинающих*.

В структуру каждого учебного комплекса входит *коммуникативная программа*, моделирующая профессиональную деятельность на соответствующем уровне по темам, подтемам, ситуациям и коммуникативным задачам, далее следует собственно *учебник* - часть из 10 тематических блоков, которые разрабатываются в рубриках *реальное общение* (аудирование и чтение), *реальное общение* (аудирование), *грамматика – не цель, а инструмент, тематическая лексика, как это сказать?* и др., третья часть – *образец экзаменационного теста РЭТ* с описанием содержания четырех (РЭТ-1) или пяти (РЭТ-2, РЭТ-3) субтестов (на аудирование, чтение, лексику/грамматику, говорение, письмо) и критериями оценки.

Весь учебный комплекс направлен на подготовку учащихся к сдаче сертификационных экзаменов. Этому служит не только Образец экзаменационного теста в конце каждого учебника, но и тестовые

задания после каждого из 10-и блоков, идентичные по форме тем, с которыми кандидат встретится на реальном экзамене.

Авторство этой единой учебной системы принадлежит коллективу под руководством Л.Б. Трушиной. (Москва, Государственный институт им. А.С. Пушкина).

Чем отличается предложенная система?

Во-первых, методической целесообразностью подбора и организации учебного материала, направленного как на языковую подготовку своих адресатов, так как предлагается богатый лексический и страноведческий материал, а также грамматический практикум и разнообразные возможности его усвоения, так и на реализацию четкой коммуникативной программы. Вся стратегия обучения и структура комплекса подчинены формированию эффективных умений общения в отобранных ситуациях в устной (говорение и аудирование) и письменной речи.

Во-вторых, учебные комплексы дают образцы звучащей нормативной речи носителей русского языка в области туризма, чем восполняют существенный недостаток многих предыдущих учебников русского языка, предназначенных для иностранцев. Тем самым обеспечивается адекватность предложенного учебного комплекса для процессов преподавания и индивидуального усвоения русского языка иностранцами.

Разработанная концепция является действующей моделью изучения русского языка в Университете им. проф. д-ра Асена Златарова – г. Бургас, Болгария. Благодаря этой концепции будущим менеджерам предлагается обучение, построенное на точном подборе профессиональных ситуаций, отличающееся высокой информативной насыщенностью, доступностью изложения грамматических комментариев, разнообразием учебных задач, рассчитанных на формирование всех видов речевых умений: аудирование, чтение, говорение, письмо.

Такой формат изучения русского языка отвечает требованиям и желаниям молодых людей, будущих специалистов в области туризма, чья профессиональная реализация проходит в динамичных социальных и экономических условиях современной жизни.

Своей профессиональной направленностью учебные комплексы РЭТ и международные сертификаты о владении русским языком в сфере международного туризма заполнили пустующую нишу. Они не только дали объективные критерии оценки знаний и умений, приобретаемых в процессе обучения русскому языку, не только наполнили это обучение содержанием и расширили культурное «пространство» русского языка в Болгарии, они дали молодым болгарским менеджерам самочувствие и шанс на профессиональный успех.

Библиографический список

1. Трушина Л.Б., Вохмина Л.Л., Булгина А.А., Волкова Т.Г., Глива Н.Б., Лайкова М.И., Никифорова Е.П., Кузнецов А.Л. - Русский – Экзамен – Туризм (1) / Учебный комплекс по русскому языку как иностранному в сфере международного туристского бизнеса /Ред. *Трушина Л.Б.* Москва: Икар, 2005. – 394 с.
2. Трушина Л.Б., Волкова Т.Г., Глива Н.Б. - Русский – Экзамен – Туризм (2) / Учебный комплекс по русскому языку как иностранному в сфере международного туристского бизнеса /Ред. *Трушина Л.Б.* Москва: Икар, 2006. – 252 с.
3. Трушина Л.Б., Волкова Т.Г., Кузнецов А.Л. - Русский – Экзамен – Туризм (3) / Учебный комплекс по русскому языку как иностранному в сфере международного туристского бизнеса /Ред. *Л.Б. Трушина.* Москва: Икар, 2007. – 220 с.
4. <http://www.mkt.unwto.org/ru/news> – режим доступа: 10.02. 2016.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Электронные версии статей следует направлять в виде приложения по электронной почте по адресу редакции: **bolgrusistika@gmail.com**. В отдельном текстовом документе прилагается справка об авторе: *ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность, город, страна, домашний адрес, контактный телефон, электронный адрес*. К публикации принимаются материалы на **русском языке**.

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Формат: Microsoft Word.

Размер страницы: А4.

Шрифт: Times New Roman, 12 пунктов.

Междустрочный интервал: одинарный.

Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Абзацный отступ: 1 см.

Без нумерации, выравнивание по ширине.

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЕЙ

На **русском языке** без сокращений приводятся: *фамилия, имя, отчество автора; должность, ученая степень, ученое звание; название организации; страна, город; адрес эл. почты; заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*, а затем на **английском языке** (*данные автора, заглавие статьи, аннотация, ключевые слова*).

Борисов Иван Викторович
доктор филологических наук, профессор
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Россия, г. Москва
e-mail: borisov@rambler.ru

Borisov Ivan Viktorovich
Professor, Dr. Sc.
Lomonosov Moscow State University
Russia, Moscow
e-mail: borisov@rambler.ru
(10 пунктов)

И.В. Борисов (11 пт.)
**ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА**
(12 пт.)

Аннотация. 10 пт., до 800 знаков с пробелами
Ключевые слова: 10 пт., не более 10 слов

I.V. Borisov (11 пт.)
THE EXPRESSIVENESS OF MODERN POLITICAL LANGUAGE
(12 пт.)

Abstract. 10 пт. до 800 знаков с пробелами
Keywords: 10 пт., не более 10 слов

ОСНОВНОЙ ТЕКСТ СТАТЬИ

Текст на **русском языке**: 12 пунктов, объем: до 20 000 знаков с пробелами. Сноски — постранично, внизу страницы, с использованием сквозной нумерации, арабские цифры, 10 пт. Библиографические ссылки заключаются в квадратных скобках [номер библиографического списка, страница], например: [2],[7, с.84]. Примеры следует давать курсивом. Используются кавычки типа «елочки». Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них. Название иллюстраций дается под ними после слова «Рис.» с порядковым номером (10 пт.).

Библиографический список приводится после текста статьи с нумерацией по принципу алфавитного именованного указателя фамилий авторов (сначала на кириллице; потом на латинице по латинскому алфавиту). Инициалы не разделяются пробелами. Включаются только работы, указанные в ссылках. Напр.:

Библиографический список (11 пт.)

1. Орлов Л.М. Современная реклама // *Стиль*. – 2008. – № 4. – С. 65–70 .
2. Сергеева В.П. Проблемы научного текста. – М.: Проспект, 2013. – 156 с.

Материалы, не соответствующие вышеуказанным требованиям, не рассматриваются.

Редколлегия

АДРЕС РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

Дружество на русистите в България
Списание «Болгарская русистика»
ул. Никола Мирчев № 35
София 1113
e-mail: bolgrusistika@gmail.com